

Владимир Николаевич Першанин
Обреченный десант. Днепр течет кровью
Серия «Война. Штрафбат. Они сражались за Родину»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8643862

Владимир Першанин. Обреченный десант. Днепр течет кровью.: Яуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76887-5

Аннотация

Впервые в нашей военной прозе! Первый роман о кровавом Днепровском десанте и рождении девиза ВДВ «С неба – в бой!». Вся правда о подвиге и трагедии «крылатой пехоты».

Сентябрь 1943 года. Красная Армия проводит крупнейшую воздушно-десантную операцию Великой Отечественной – более 6000 десантников должны высадиться в немецком тылу на правом берегу Днепра, чтобы захватить плацдармы, нарушить вражеские коммуникации и облегчить нашим войскам форсирование водной преграды. Однако операция провалилась – скверное планирование и непростительные ошибки командования обернулись огромными потерями. Выброска десанта проходила беспорядочно и несогласованно, зачастую на глазах у противника, грузовые планеры и парашютисты приземлялись под ураганным огнем, умывшись кровью еще в воздухе. Но ОБРЕЧЕННЫЙ ДЕСАНТ не дрогнул, приняв неравный бой...

Содержание

Вступление. Слово о десанте	4
Глава 1. Командир взвода лейтенант Морозов	5
Глава 2. Цепляйтесь за берег зубами!	17
Глава 3. В тылу врага	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Першанин

Обреченный десант. Днепр течет кровью

Вступление. Слово о десанте

В Букринской излучине Днепра между Киевом и Черкассами в конце сентября 1943 года была осуществлена одна из наиболее крупных воздушно-десантных операций Великой Отечественной войны, в которой участвовало более шести тысяч бойцов и командиров.

В тот период шло мощное наступление наших войск, которое получило название «Битва за Днепр». На участке шириной в сотни километров части Красной Армии с ожесточенными боями теснили немецкие войска на запад, не давая им остановиться.

Созданная немцами на Днепре мощная оборонительная линия, так называемый Восточный вал, должна была стать неприступной крепостью. Однако части Красной Армии с марша начали форсирование реки и захватывали все новые плацдармы, вбивая клинья в систему вражеской обороны. Битва за Днепр длилась до декабря 1943 года. Было освобождено 160 крупных городов (в том числе Киев), прорван и смят Восточный вал, разгромлены десятки немецких дивизий.

В этом огромном сражении небольшим, но ярким эпизодом стала операция советских десантников, целью которой было нанести удар в тыл врагу и оказать помощь нашим войскам в форсировании реки.

Судьба десанта сложилась трагично. Несогласованность действий командования, серьезные тактические ошибки, выброска десанта на участки, насыщенные немецкими войсками, привели к большим потерям. Значительная часть десантников погибла в неравных боях уже в первые дни. Оставшиеся продолжали сражаться и внесли свой вклад в успех битвы за Днепр.

В Букринской излучине и других местах, где воевали и отдавали свои жизни участники этого смелого (пусть и трагичного) десанта, трудно найти могилы и памятники погибшим парашютистам. Теперь здесь другая страна и другие герои.

В исторических справочниках судьба десанта отражена противоречиво и скомкано. Приводятся разные цифры участников (от 6 до 10 тысяч бойцов) и разные даты проведения операции. Мол, нечем хвалиться. Перевернули одну из страниц той войны и забыли.

Изучая материалы и разыскивая очень немногих оставшихся в живых бойцов и командиров этого десанта, я отразил в своей книге то, что удалось извлечь из-под пластов времени. Не претендуя на полную историческую достоверность, я отразил судьбы отважных людей, которых нельзя забыть.

Глава 1. Командир взвода лейтенант Морозов

Парашют тащило и болтало ветром с такой силой, что Морозов порой терял ощущение пространства. Осеннее ночное небо, затянутое несущимися облаками, уплывало куда-то в сторону, и перед глазами оказывалась такая же темная земля.

Рельеф местности различить было невозможно. Из чернильной тьмы вылетали разноцветные трассы зенитных пулеметов и скорострельных пушек. Очередной порыв ветра снова швырял парашют, выворачивая лямки из рук лейтенанта, а стреляющая земля оказывалась почему-то над головой.

Сноп пуль и снарядов приближался к нему, замыкая смертельный круг. Особенно опасной казалась счетверенная трасса 20-миллиметровой пушки. Она шла раскаленным густым пучком с жутким прерывистым свистом, готовая разорвать тело Федора Морозова вместе с парашютом. В какой-то момент он сумел подтянуть стропы и остановить беспорядочную круговерть.

Внизу, на месте приземления, должна была находиться ничейная полоса, пока еще не занятая немцами. Там планировалась высадка нескольких батальонов, сбор людей и дальнейшие действия.

Однако на войне многое идет не по плану. Внизу находились немецкие части, срочно переброшенные сюда. Возможно, десант отнесло совсем в другое место. Поэтому лейтенант не гадал о причинах, почему он оказался под огнем, а выискивал в небе остальные парашюты.

Он рассчитывал увидеть десятки, но разглядел лишь штук семь, не больше. Один из куполов прорезала желто-красная пулеметная трасса. Шелковое полотнище мгновенно вспыхнуло, осветив на короткое время бойца в ватнике и парашют по соседству.

Треск выстрелов и гул ветра заглушил отчаянный крик. Полотнище быстро сгорало, а боец в ватнике, стремительно набирая скорость, падал навстречу земле. Крик замолк. Федор пытался разглядеть, что поджидает его внизу. Хуже всего, если свалишься на немецкие траншеи. Тогда шансов на спасение будет не больше, чем у бойца, упавшего на землю без парашюта.

Но эпицентр вспышек и несущихся навстречу трассеров смещался в сторону. Никаких условных сигналов видно не было. Пусть будет нейтралка, лес, ничейная полоса, где есть немалый риск свернуть шею или свалиться на минное поле, но все же это лучше, чем угодить под плотный огонь развернутого немецкого батальона.

Удар о землю оказался, как всегда, сильнее, чем ожидал Морозов, хотя лейтенант мог бы к этому привыкнуть, имея на счету два десятка прыжков. Ветер внизу был тише, но, рванув напоследок купол, протащил лейтенанта еще метров пять. Теперь быстрее гасить парашют и быть готовым к теплой встрече.

Руки быстро собирали стропы, автомат он держал под мышкой. Свернув парашют в комок, сунул его в кусты акации. Повезло, что не свалился в один из таких кустов – разодрал бы тело до мяса. Теперь отбежать на полсотни шагов, залечь, приготовить автомат.

К Морозову уже кто-то бежал. Чужой, свой? Немцев даже в темноте выдает каска, которую они постоянно носят, следуя инструкциям. Это – свой, из десантуры. Кожаных шлемов не хватает, и он с непокрытой головой. Пилотка или шапка за пазухой.

– Стой! – на всякий случай предупредил незнакомца Федор.

– Я лучше лягу, – откликнулись из темноты.

– Давай ко мне.

Оказался сержант из другого батальона.

– Там еще кто-то есть, – показал сержант на пятно возле деревьев.

За полчаса собралась группа человек двадцать пять, почти взвод. Только из взвода лейтенанта Федора Морозова оказалось в группе всего два человека. Остальные кто откуда, даже из другой бригады. Два лейтенанта, включая Морозова, пять-шесть сержантов, остальные – рядовые.

Радиста среди собравшихся не оказалось. Один боец сильно ударился ступней и не мог идти. Другой сломал сразу три пальца на левой руке. Все это было плохо, особенно отсутствие рации.

Незнакомый лейтенант Леонид Бондарь служил в оперативном отделе штаба бригады. Получилось, что по должности он был старшим и немедленно взял командование в свои руки. Морозов спорить не стал, хотя штабным доверял не слишком.

Бондарь заглянул в карту, подсвечивая синим фонариком. Непонятно, что он мог там увидеть. Было ясно, что людей сбросили с гораздо большей высоты, чем планировалось, и роты разнесло ветром по огромной площади.

Где именно находилась их группа, никто не знал, а Морозову стало ясно, что получилась путаница. Бондарь сразу показал характер и заявил, что следует идти на северо-восток, к Днепру. Там они наверняка наткнутся на один из захваченных нашими войсками плацдармов или более крупный отряд десантников. Главным в его логике было – идти в сторону фронта.

Морозов, воевавший с весны сорок второго года, сразу понял, что Бондарь боевого опыта имеет мало. Уже ясно, что десант распылен, а наших плацдармов на правом берегу пока мало. Больше шансов наткнуться на немецкую моторизованную группу, которые наверняка шныряют повсюду.

Было бы в группе не двадцать пять человек, а сто или больше, Федор посчитал бы это решение разумным. Рота могла вступить в бой, нанести крепкий удар, а в случае чего отойти. Но двадцать пять человек, в том числе один с поврежденной ногой, ничего не сумеют сделать, разве что погибнуть, нарвавшись на немецкий пехотный взвод или моторизованный патруль.

В группе не было даже ни одного пулемета, запас патронов и гранат ограничен. Грузовые парашюты упали неизвестно где. Между тем Леонид Бондарь распоряжался уверенно, его слушались, и Морозову ничего не оставалось, как последовать за новым командиром. Бойца с поврежденной ступней вели под руки.

В течение часа к группе присоединилось еще человек двенадцать, в том числе трое из взвода Морозова. Своим ребятам Федор обрадовался, как родным. Посыпались вопросы, но ответить ничего определенного он не мог.

Снайпер, сержант Павел Чередник, прыгавший одним из первым, рассказал, что ветер раскидал их взвод в стороны за считанные секунды, и двоих других он встретил с полчаса назад. Чередник, обстоятельный парень, родом из Забайкалья, носил прозвище Зима, пользовался авторитетом как бывалый солдат. С его присутствием Морозов почувствовал, что вокруг него снова сколачивается коллектив.

– Куда шагаем? – спросил младший лейтенант Илья Якушев, командир взвода из их батальона.

– К Днепру, не слышал, что ли? – отозвался Чередник. – Только что там одним взводом делать, непонятно. Или этот штабной думает, что за сутки-двое наши весь правый берег захватили?

Илья Якушев был тоже не новичок. Наверняка он понимал, что группа сильно рискует, шагая к берегу – самому опасному и укрепленному месту. Но Якушев промолчал. Возможно, представитель бригады знает нечто такое, что неизвестно простому взводному.

Ночи в конце сентября длинные, а эта и вовсе тянулась бесконечно. Всего несколько часов назад их батальон вместе с другими подразделениями бригады грузился в транспорт-

ные самолеты Ли-2 на аэродроме города Богодухов, что в семидесяти километрах от Харькова. А казалось, было это давно.

Куда-то долго летели. Самолеты немилосердно болтали. Затем начался зенитный обстрел, и транспортники стали спешно набирать высоту. Кое-кто разглядел внизу извилистую полосу большой реки.

– Днепр! Гляди, Днепр!

Неподалеку взорвался снаряд. Самолет завалился набок, люди посыпались со скамеек. Когда Якушев выглянул в квадратный иллюминатор, не увидел ничего, кроме облаков и редких звезд. Ли-2 тяжело набирал высоту. Двигатели работали надсадно, выжимая всю мощность, чтобы быстрее уйти от зенитного огня.

Десантники знали, что прыгать будут с шестисот метров, но их самолет не думал снижаться (остальные тоже), и красная лампочка замигала на гораздо большей высоте. Кто-то пытался спорить со штурманом, но тот нетерпеливо махал рукой. Самолет тряхнуло еще раз, и Якушев услышал испуганный крик штурмана:

– Да прыгайте, мать вашу... Сейчас поймаем снаряд, все угробимся.

Со своего насеста под стеклянным колпаком слез бортстрелок и тоже подталкивал десантников к черному провалу люка. Мелкий трассирующий снаряд пробил пол в метре от Ильи Якушева и, от ricochetив от дюралевой стенки, закрутился под ногами, брызгая искрами. Люди прыгали и сразу терялись в ночи, пронизанной ледяным ветром, трассами пуль и снарядов.

Лейтенант Бондарь, которого Морозов пару раз мельком видел в штабе, оказался не слишком опытным командиром. Группа шагала вразброд, разбить людей на отделения штабной офицер не догадался. Двое разведчиков впереди не рисковали уходить далеко. Без конца возвращались, что-то докладывали Бондарю, а затем снова удалялись шагов на тридцать.

Небо на востоке стало светлее. Скоро начнется медленный пасмурный рассвет. Морозов, не выдержав, подошел к Бондарю:

– Слушай, нельзя такой толпой брести. Нарвемся!

– В колонну на этих буграх и колдобинах людей не построишь, – огрызнулся Бондарь.

– Ну хоть разведку одернул бы. Чего они под ногами топчутся?

Командир группы внимательно оглядел крепкого в плечах, небольшого роста лейтенанта и скомандовал:

– Вот ты со своим отделением и шагай вперед. Чего смотришь? Обеспечь разведку.

Но было уже поздно. Из рассветного полумрака ударила короткая пристрелочная, а следом длинная, знакомая всем фронтовикам рычащая очередь скорострельного пулемета МГ-42.

Ночной бой – сложная и непредсказуемая штука. Шансов выиграть больше у тех, кто заметил врага раньше и первым открыл огонь. Были сразу убиты двое разведчиков, вскрикнул кто-то еще, а к пулемету присоединились выстрелы немецких винтовок и характерный треск автоматов МП-40.

В первые минуты сыграл фактор неожиданности. Десантники из разных подразделений еще не отошли от скомканной высадки неизвестно куда, потери своих подразделений и командиров. Да и Бондарь не сумел правильно организовать движение группы в немецком тылу.

Сейчас он ворочался на земле, зажимая простреленную ладонь. Такие раны, когда дробятся, перебиваются мелкие кости ладони, очень болезненны. Да и ранен был Леонид впервые. Текла кровь, боль отдавалась толчками во всем теле, мутилось сознание.

Его помощник лежал, уткнувшись лицом в траву. Над головой с жутким коротким свистом проносились пули. Леонид Бондарь позвал на помощь, но на звук его голоса сразу уда-

рил немецкий автомат. Лейтенант почувствовал удары пуль о землю в считанных сантиметрах от тела.

Не только Бондарь, но и немцы совершили сразу несколько ошибок. Они знали, что имеют дело с парашютистами, но, как часто случалось раньше, недооценили противника. Огонь открыли с расстояния сотни шагов, сразу всем взводом, обозначив лежавшую цепь. Подпустили они группу поближе, русских можно было уничтожить огнем в упор, забросать гранатами. Однако для гранат расстояние было велико, а стрельба по противнику, который сразу залег, не принесла ожидаемого эффекта.

Это были бойцы воздушно-десантной бригады, подготовленные куда лучше, чем обычные солдаты, и умевшие нанести быстрый ответный удар. Уже стреляли в ответ несколько ППШ, кто-то переползал, выбирая более выгодную позицию. В разных местах брали ситуацию в свои руки наиболее опытные командиры: лейтенант Морозов и сержанты, побывавшие в подобных переделках.

– Павел, бери на себя пулеметчиков, – распорядился Федор Морозов.

– Понял, – отозвался снайпер Чередник.

– Якушев, захвати пару-тройку бойцов, ползи на правый фланг, ударь в упор.

Илья Якушев, набравшийся опыта в разрушенном Сталинграде, кивнул и повел тройку бойцов во фланг. Старший сержант, помкомвзвода, тоже отдавал команды и под прикрытием автоматных очередей полз вдоль промоины, заходя слева.

Слабый ответный огонь, стоны раненых (громко стонал Бондарь) ввели в заблуждение немецкого лейтенанта, недавнего выпускника офицерской школы.

Он воевал когда-то во Франции, затем в Югославии. Жалел, что не попал в Россию, и вот теперь наконец столкнулся с русскими.

Как и многие офицеры вермахта, после двух успешных кампаний сорок первого и сорок второго годов лейтенант не считал, что, проиграв Курскую битву, немецкая армия проиграла войну. Да, русские вышли к Днепру, даже сумели в некоторых местах переправиться на правый берег, угробив под огнем целые дивизии и бригады. Но это еще не говорило о их превосходстве и воспринималось многими германскими военными как суетливость и отсутствие четкого плана действий.

Главное, планомерно и спокойно выполнять поставленную задачу. Русские сбросили, судя по всему, большой десант, намереваясь ударить в спину. Но вряд ли десант будет успешным. В разных местах его активно уничтожают в воздухе и на земле.

Рычание скорострельного МГ-42 на минуту прекратилось. Расчет быстро и умело менял перегревшийся ствол. Лейтенант повернулся к помощнику и дал команду:

– Не ослаблять огонь. Вводите в действие второй пулемет. Надо полностью вдавить их в землю, а затем атаковать.

Немецкий взвод действовал как хорошо отлаженный механизм. Расчет из двух человек, готовый к стрельбе, ударил ровными очередями из ручного пулемета «зброевка» чехословацкого производства. Оружие, поставляемое немцам братьями-славянами, работало четко, выпуская без задержек десять пуль в секунду. Второй номер в нужный момент выщелкивал опустошенный магазин и вставлял новый.

Затем снова ударил МГ-42. Лейтенант не расслышал винтовочного хлопка, прозвучавшего впереди, среди лежавших вповалку и расползавшихся русских.

– Как тараканы, – машинально сказал лейтенант.

– Верно заметили, – отозвался помощник и тихо засмеялся.

Однако расчету МГ-42 было не до смеха. Пуля, выпущенная сержантом Чередником, угодила в лицо второму номеру, молодому ефрейтору-добровольцу. Это была страшная рана, совсем не похожая на киношные аккуратно перевязанные ранения.

Ефрейтор захлебывался кровью, зажимая раздробленную, выбитую из суставов челюсть. Он пытался позвать на помощь, но доносилось лишь хрипение – все заглушал треск стрельбы.

Первый номер, прервав очередь, мельком глянул на помощника. Боже, какие звери эти азиаты! Унтер-офицер забыл, что каждая пятая пуля в заряженной ленте – разрывная. Прекратить стрельбу он не мог, позвал санитаров и снова прижался щекой к прикладу.

Павел Чередник целился в освещенное вспышками лицо пулеметчика. Унтер-офицер, занизив планку, бил длинными очередями в спины расплзавшихся среди полегшей осенней травы парашютистов. Он не обращал внимания на свист автоматных пуль, зная, что его оружие более мощное и способно скосить впереди все живое.

Пуля из снайперской винтовки угодила в каску. Звонкий удар о металл и короткий вскрик смертельно раненного пулеметчика слышали многие. Это вызвало замешательство, которое усилилось еще больше, когда замолчал пулемет. Морозов достал очередью приподнявшегося автоматчика. Чередник, передернув затвор, пробормотал:

– Вот так оно, зима – лето, мля...

И повел стволом, выискивая новую цель. Командир немецкого взвода понял, что действует снайпер, и, не рискуя поднять голову, кричал подчиненным:

– Не высовываться, там снайпер. Усилить огонь!

Но второй приказ не вязался с первым. Стрельба наугад, когда оружие держат над головой и не целятся, мало что дает. Офицер перехватил приклад МГ-42, он был липким от крови. Оба пулеметчика были еще живы, тяжело ворочались и стонали.

Тем временем под прикрытием автоматных очередей с флангов подползали две группы десантников, в том числе трое бойцов под началом Ильи Якушева. Первую группу заметили и обстреляли, не дав приблизиться. Якушев подполз метров на сорок. Пройдя Сталинград, младший лейтенант хорошо постиг подобные схватки в упор.

Он швырнул две «лимонки», делая привычную секундную задержку после щелчка запала. Трое его спутников тоже бросили рубчатые Ф-1. Сорок метров, расстояние великоватое для броска шестисотграммовой «лимонки», но взрывы ухали кучно, словно дал очередь пулемет крупного калибра.

Большого урона врагу гранаты не принесли, легко ранив несколько человек. Но взрывы вызвали переполох. Кто-то вскочил, растерянно оглядываясь, раненые отползали, и треск выстрелов перекрыл чей-то крик:

– Иваны в тылу!

Огонь автоматов ППШ, посылающих шестнадцать пуль в секунду, срезал сразу двоих поднявшихся солдат, усилив сумятицу. У немецкого лейтенанта еще оставалась возможность изменить обстановку, взяв в руки командование взводом. Вместо этого он терял драгоценное время, пытаясь справиться с заклинившим пулеметом (перекосило ленту) и одновременно призывая подчиненных держаться.

Но одних слов было мало. Морозов, верно уловив момент, поднял людей в атаку. Следом за ним бежал лейтенант Бондарь с пистолетом в руке. Передернуть затвор он не мог и лишь размахивал оружием, хрипло выкрикивая:

– Бей гадов! Вперед, за Родину!

Немецкий лейтенант наконец отодвинул пулемет, с которым не мог справиться, и выдергивал из кобуры массивный «вальтер», когда при свете ракеты увидел перед собой русского лейтенанта-парашютиста. Немец угадал, что это командир, по кожаному шлему, командирскому ремню и вшитой в комбинезон пистолетной кобуре.

Их взгляды встретились. Светловолосый губастый русский, наверное, такой же лейтенант, как и немец, целился в него из своего громоздкого автомата с дырчатым кожухом и

круглым диском. Немецкий лейтенант побывал в переделках и не был трусом, но жуткая близость смерти заставила его невольно воскликнуть:

– Найн! Не надо...

Он не просил пощады, пальцы уже сжимали рукоятку «вальтера». Выдернуть хорошо смазанное оружие, перевернуть ствол... Нет, не успеть! На конце скошенного кожуха русского автомата вспыхнул клубок пламени. Несколько пуль, оставшихся в диске, пробили тело насквозь, повалив лейтенанта рядом с пулеметным расчетом.

Группа сержанта Якушева, встав в рост, стреляла из автоматов в лежавших или пытавшихся подняться немецких солдат. Один из десантников, схватившись за живот, опустился на колени. Три других ППШ продолжали свою работу.

Старший сержант, помощник командира взвода, со своими людьми врезался в отступающую цепь, и добивали солдат очередями в спину. У него опустел диск. Времени на перезарядку не оставалось. Старший сержант догнал ближнего немца и ударил его ножом. Рукопашная схватка набирала обороты, в ход шли саперные лопатки, люди душили друг друга.

Лейтенант Леонид Бондарь сумел перевернуть ствол ТТ, но короткий бой подходил к концу. Обозленный своим неумелым командованием и сильной болью в простреленной ладони, он, оглянувшись, заметил раненого пулеметчика. Выпустил в него несколько пуль подряд и, обессиленный, сел на траву.

Он тяжело дышал, сжимая пульсирующую болью ладонь. Сегодня Леонид Бондарь впервые стрелял по врагу, до этого чаще занимался штабной писаниной, лишь иногда выезжал с проверками в батальон. В боях не участвовал, но, угодив несколько раз под обстрел, считал себя бывалым командиром.

Лейтенант поймал чей-то взгляд и, вздрогнув, поднял пистолет. На него смотрел угасающим взглядом немецкий пулеметчик, парень лет двадцати, в массивной каске. Бондарь с минуту раздумывал, выстрелить ли еще раз и добить врага. Раздумав, опустил пистолет. Пулеметчик закрыл глаза, но лейтенант слышал его тяжелое прерывистое дыхание.

– Заткнись! Слышь, ты! – крикнул штабной, хотя немец получил несколько тяжелых ран и говорить не мог.

– А вы в него стрельните, – подсказал кто-то за спиной.

Боец перематывал простреленную ниже локтя руку и выжидающе смотрел на лейтенанта. В голосе парашютиста явно чувствовалась издевка. Бондарь отвернулся и засопел. Хотел глотнуть водки из фляжки, но над душой висел раненый боец и еще этот умиравший фриц... Фашист чертов! Выпить не дает.

Немецкий взвод был практически полностью уничтожен. Но и десанникам победа обошлась не дешево. Восемь человек погибли и полтора десятка получили ранения. Многие – тяжелые, как это часто случается в ближней схватке, когда люди дерутся, не обращая внимания на боль и полученные раны. А из боя выходят, когда уже не остается сил.

Пока оказывали помощь пострадавшим, Морозов и Бондарь торопливо допрашивали пленного. Молодой солдат из Эльзаса говорил на смеси русских, немецких и французских слов. Леонид Бондарь понимал его хорошо. Оказалось, что Бондаря, не имевшего боевого опыта, взяли в оперативный отдел с третьего курса института иностранных языков.

Сейчас он вел себя по-другому. Леонид чувствовал свою вину за неумелое руководство группой, что стало причиной неоправданных потерь. Если бы Федя Морозов не взял на себя руководство и умело не провел бой, неизвестно, чем бы все кончилось.

Эльзасец, парень лет восемнадцати, отвечал на вопросы с готовностью. По его словам, начальство знало о предстоящем десанте, но не ожидало такой массовой операции.

– Многих ваших в воздухе постреляли, – переводил Бондарь слова пленного. – Другие в Днепр падали. Ты чего лыбишься?

Оперативник, страдая от боли в руке и переживая за потери, выругался и пнул французского немца. Тот испуганно сжался, затем быстро заговорил.

– Оправдывается, сучонок, – сплюнул лейтенант. – Он в комендантской роте служил, в русских не стрелял.

– Спроси, как близко находятся другие немецкие части, – сказал Морозов.

– В пяти километрах расположен гаубичный дивизион. А берег Днепра практически везде защищен. Все отступающие войска бросают на его укрепление.

– Далеко отсюда до реки?

Немец ответил, что напрямую километра четыре. Оба лейтенанта задумались. Уже рассвело, и что-то надо было решать. Оставаться дальше на открытом месте было опасно. Самое дрянное, что ни Бондарь, ни Морозов не знали, в каком месте они находятся. Пленный здешних мест не знал. Название хуторов и мелких поселков, которые, тыча пальцем в карту, перечислял Бондарь, ничего ему не говорили.

Между тем, привлеченные стрельбой, к месту боя подходили мелкими группами и поодиночке десантники, которых раскидало, судя по всему, на обширной территории. За час к группе присоединилось еще человек семьдесят, в том числе с десяток бойцов из роты Федора Морозова.

Рассказали трагическую судьбу ротного командира. Приземлившись, он сильно ударился о камни и сломал ногу. Спасаясь от погони, бойцы несли командира на себе, но немцы висели на хвосте. Тогда капитан приказал оставить его, а остальным уходить.

– Передайте нашим, живым я в плен не сдамся, – заявил он, прощаясь.

– Вот карта, – сказал командир взвода, протягивая ее Морозову. – Мы уже далеко ушли, а наш ротный все из автомата стрелял. Затем гранаты стали взрываться. Погиб он.

– Кто-нибудь видел? – сопел, морщась от боли, Бондарь.

– Откуда? И так все ясно. Наш капитан – он такой. В плен никогда бы не сдался. И товарищ Морозов может подтвердить.

Федор промолчал. Любые слова сейчас мало что значили. Надо было принимать решение. В низине, среди редких деревьев, скопилось более ста человек. На карте значилось место сосредоточения батальона, но непонятно, где находились десантники в данный момент.

Старших командиров среди присоединившихся не было, рация также отсутствовала. Основной задачей сразу трех бригад было оказание помощи войскам в переправе, укрепление уже имевшихся плацдармов, захват новых. Имелись и специальные задания, о которых знали те, кому они поручены.

Командир саперной роты капитан Юткин получил задание взорвать мост через один из притоков Днепра и два дота с дальнобойными семидюймовыми орудиями. Но от роты осталось менее двадцати человек. Саперы имели какое-то количество взрывчатки и несколько мин. На предложение возглавить, как старшему по званию, отряд Роман Филиппович Юткин отрицательно покачал головой:

– Я всю службу взрывал да строил. Строевой командир из меня не получится. Вон Федор Морозов, парень смелый, с опытом. Лучшего командира и не надо.

Пока обсуждали положение, вслушивались в стрельбу, которая с рассветом усилилась и доносилась со всех сторон. К Днепру послали отделение разведки выяснить, есть ли поблизости наши войска. А сто десять человек лейтенант Морозов разделил на три взвода и, построив людей, объявил, что временно они являются сводной парашютно-десантной ротой.

Офицеров не хватало. Два взвода возглавили капитан Юткин и младший лейтенант Шабанов Сергей. Шабанов был из другого батальона, но, судя по всему, парень был исполнительный. Прорывался с боем и привел с собой несколько человек. Третьим взводом Морозов поставил командовать младшего лейтенанта Илью Якушева, которого знал давно. Бондарь

исполнял обязанности начальника штаба, но толку от него было мало. Лейтенанта измучила сильная боль в опухшей руке.

Санинструктор Воробьев, занимавшийся тяжело ранеными, доложил Морозову, что двое умерли, еще два-три человека тоже вряд ли выживут. Нужна врачебная помощь.

– Мне ты чем-нибудь поможешь? – не выдержал лейтенант Бондарь.

Петр Воробьев, ровесник командира саперов, хоть и не имел медицинского образования, но обязанности свои знал неплохо. Осмотрел опухшую ладонь лейтенанта и воспаленное отверстие от пули.

– Только терпи, у меня пирамидона нет.

– При чем тут пирамидон! Режь или чисть, что нужно. Спирту только налейте.

Воробьев с помощью двух бойцов крепко зажал руку лейтенанта и стал чистить ее натянутой резинкой. Бондарь извивался от боли, стараясь не закричать. Самолюбия у него хватало, но боль оказалась слишком сильной.

– Пстой, коновал, – обливаясь крупными каплями пота, взмолился лейтенант, – налейте еще спирта.

– Терпи. Как закончу, налью.

Петр Данилович Воробьев, который в селе исполнял обязанности ветеринарного фельдшера, безжалостно выдавливал из раны гной, затем протер ладонь йодом и замазал мазью.

– Ну, вот, сейчас забинтуем...

В воздухе зазвенела, набирая высоту, мина и с воем понеслась к земле. Взрыв ударил без пламени, коротко. Плеснулось облако дыма и земли, смешанной с перемолотой сухой травой. Спустя минуту, подводя прицел, взорвалось еще несколько 80-миллиметровых мин.

На бугре, в километре от укрывшейся в низине роты, стоял полугусеничный бронетранспортер «Бюссинг». Установленный над кабиной спаренный пулемет дал одну-другую пристрелочную очередь. Затем заработал уверенно, посылая длинные очереди в русских, прорвавшихся за Днепр.

Пули хлестали, взбивая фонтанчики земли, косили кустарник, выбивали щепу из деревьев. Несмотря на то что экипаж бронетранспортера вместе с минометным расчетом составлял семь человек, а броня была толщиной от восьми до двенадцати миллиметров, это был серьезный противник.

«Бюссинг» был подвижен, развивая скорость до 60 километров. Десантный отсек был загружен боеприпасами, а миномет установили за бугром, чтобы прикрыть расчет от ответного огня.

Бои со сброшенным русским десантом шли на площади в несколько десятков километров. Грузовые планеры, кроме людей, доставили какое-то количество легких пушек, минометов, противотанковых ружей. Бои принимали порой затяжной характер.

Моторизованная рота окружила отряд десантников в нескольких километрах южнее. Там, как и в других местах, шел упорный бой. Бронетранспортер и два мотоцикла направили сюда уничтожить или заблокировать еще один отряд, уничтоживший на рассвете комендантский взвод.

Командир группы, старший фельдфебель (два серебряных квадрата на погонах с зеленой окантовкой и две медали за храбрость), был послан с мобильной командой, чтобы задержать русских до прихода роты. Не дать раствориться им в лесу, куда тянулась низина. Мотоциклы, тяжелые «цундаппы», перемахнули на другую сторону низины и замкнули кольцо.

Путь в лес перекрывали взрывы мин и пулеметные очереди. Двигаться в сторону Днепра означало выйти на открытое место, где отряд уничтожат за полчаса. Выход был один –

пробиваться в лес сквозь редкую ложбину, где деревья и пучки кустарника отстояли друг от друга на десять-двадцать шагов. Но перед этим дожидаться возвращения разведки.

Восемь парней торопливым шагом ушли к Днепру, их следовало ждать. Ситуацию обсуждали недолго.

– Ждем возвращения ребят и прорываемся в лес, – решительно заявил Бондарь, пришедший в себя после болезненной операции и хлебнувший спирта.

– Конечно, ждем, – торопливо подтвердил младший лейтенант Сергей Шабанов.

– Ждать, конечно, будем, – согласился старый сапер Юткин. – Только чую я, перебьют их на подходе.

– Сидеть не будем, – отрывисто подвел итог Морозов. – Надо сбить им спесь, а то бронемашина скоро на голову влезет.

Рота и без команды вела ответный огонь, но в ответ летели мины, пулеметные трассы. Эффективность стрельбы была невелика, десантникам не давали поднять головы.

– Паша, – подозвал снайпера Морозов. – Возьми помощника и попробуй достать вон тот мотоцикл.

Один из «сундаппов» спустился на откос и стрелял из пулемета с расстояния пяти-сот шагов. Экипаж попался решительный, если не сказать наглый. Водитель изредка менял позицию, затем демонстративно принимался курить, наблюдая, как трассы МГ-42 прижимают русских к земле. Третий член экипажа бегло и довольно метко опустошал обоймы своего карабина.

– Достанешь? – спросил Федор.

– Попробую, мать его, – сплюнул Павел Чередник, хищно поглядывая на лихой экипаж, как глядел на охоте на крупную дичь, вроде лося или медведя.

– Если пулеметчика сковырнешь, а еще лучше, мотоцикл подожжешь, они зашевелиятся, задергаются. Попробуем из трофейного МГ бронетранспортер подковать.

Миномет замолк. Видимо, запас мин был ограничен, их берегли, чтобы обрушить на десантников во время прорыва. Зато спаренная установка «Бюссинга» и МГ-42 на мотоцикле, стреляя сверху вниз, находили цели. Очередь перехлестнула парня из взвода Морозова. Санинструктор Воробьев, бегло оглядев тело, доложил лейтенанту:

– Наповал. Четыре пули, и одна как минимум разрывная.

Следующим погиб сержант, стрелявший в мотоциклистов из-за сосны. Очередь пробила не слишком толстое дерево насквозь, брызнули щепки и брызги крови.

Товарищ погибшего выщелкнул полупустой диск, забрал нож в брезентовом чехле, документы и фотографию невесты. Развязав вещмешок, вытащил завернутую в полотенце коробку патронов на сто штук и стопку писем из дома. Письма порвал на мелкие клочки, чтобы не достались немцам.

Петр Данилович Воробьев лежал возле своих раненых и время от времени отхлебывал из фляжки. Место выбрали вроде безопасное, глубокое, но утяжеленные пули МГ-42 залетали и сюда, пробивали гребень, зажигали траву. Санинструктор тушил огонь дырявым бушлатом, а иногда брал автомат и делал два-три одиночных выстрела. Это немного успокаивало.

Павел Чередник прополз шагов с полсотни вдоль гривы молодых берез и выщеливал мотоцикл. Его помощник лежал рядом, приготовив автомат.

– Делаю два выстрела, – напомнил ему Чередник. – Ты дашь пару очередей, и сразу откатываемся вон в ту ямку под березой. Понял, Андрюха?

– Понял, дядя Паша.

– Какой я тебе дядя, – фыркнул охотник. – Тетей еще меня назови...

В оптическом прицеле, приближенное в три раза, возникло плечо пулеметчика. Мешал рослый водитель – ефрейтор, откинувшийся на сиденье. Он наблюдал, как пули срезают ветки, траву, как, шевелясь, уползает поглубже в кусты один из русских парашютистов.

– Голову спрятал, а задницу видно, – засмеялся девятнадцатилетний мотоциклист. – Врежь ему по яйцам!

Экипаж мотоцикла был переброшен на Днепр из Франции вместе со своим моторизованным полком две недели назад. Кое-кто в эшелоне рассказывал о России всякие страхи. Пока ничего страшного ефрейтор из Вестфалии не видел. Русские прятались, а их снова били. И про Курскую дугу много чего болтали. Ну, отступили германские части, на войне такое бывает. Сейчас снова накапливаются войска, новая техника, готовится ответный удар.

Ефрейтор-водитель достал сигарету, потянул из кармана зажигалку и вдруг замер. Крепко сложенный парень, младший сын в семье (старший погиб под Москвой), не имел боевого опыта и не видел врага в лицо. Сейчас он вдруг почувствовал недоброе. Беспокойно огляделся. Среди кустов блеснуло стекло.

– Снайпер... там снайпер!

Понимая, что уйти от выстрела не успеет, пригнулся, прижавшись щекой к бензобаку, и зажал ладонями верх каски. В эти секунды в прицеле оптической винтовки отчетливо возник припавший к прикладу пулеметчик. Павел Зима слегка повернул ствол, привычно задержал дыхание и мягко потянул спуск.

В Русской, а позднее в Красной Армии никогда не было на вооружении разрывных пуль. Но в период Великой Отечественной войны некоторые бойцы в ответ на смертельно опасные немецкие разрывные пули спиливали головки обычных винтовочных пуль. Они входили в тело, медная оболочка разворачивалась от удара, и русская «дум-дум» на выходе делала отверстие размером с пятак, оставляя солдатам вермахта мало шансов выжить.

Пулеметчика ударило в верхнюю часть плеча над ключицей, развернуло мясо, заставив вскрикнуть. Кровь заливала приклад пулемета, острая боль скручивала тело.

– Клаус, помоги...

Пулеметчик, уничтожавший французов, греков, расстреливавший евреев, имел на счету несколько сот жизней. Сейчас он терял свою собственную жизнь, бесценную, самую дорогую на свете. Арийская, лучшая в мире кровь продолжала вытекать из развороченной раны, а сил оставалось, чтобы произнести короткое слово:

– Хильфе... помоги.

Ефрейтор-вестфалец, опомнившийся от страха, лихорадочно бил ногой по стартеру. Обещая спасение, с треском завелся мотор. Он заглушил звук второго выстрела, угодившего в широкую спортивную грудь ефрейтора. Водитель снова сунулся лицом в бак и больше не шевелился.

Выполняя приказ Павла Чередника, его помощник дал одну и другую очередь. Прорвало бак, загорелся бензин, раненый пулеметчик ворочался в узкой коляске, понимая, что вылезти не сумеет. Третий член экипажа, самый осторожный, скатился на землю и быстро пополз прочь от горящего мотоцикла и кричащего от боли камрада.

Он знал, что если кинется спасать товарища, то сам угодит под пулю снайпера. Солдат полз умело, вжимаясь в колючую сухую траву. Через десяток шагов оглянулся. Мотоцикл и два его товарища горели. Пулеметчик уже не кричал, продолжая дергаться. Это была агония, мучительная и долгая.

В эти минуты командир десантной роты лейтенант Морозов разворачивал трофейный пулемет МГ-42, собираясь ударить по бронетранспортеру «Бюссинг».

Обер-фельдфебель видел, как горел мотоцикл, а пламя вышибало и коржило трупы двух погибших. Ночью взвод тоже понес потери в бою с другой группой парашютистов.

Сейчас гибель еще двух подчиненных и нежелание русских сдаваться толкнули его на рискованный шаг.

Фельдфебель с недавнего времени занимал должность заместителя командира взвода. Хотя в подчинении у него было не так много людей, он рассчитывал минометным огнем и пулеметами смять, уничтожить зажатый в редкой лесистой ложбине отряд парашютистов.

Он не был в России в сорок первом или сорок втором году, но видел хронику тех победных лет. Как вели по дорогам многотысячные колонны пленных. Кинооператоры выхватывали из бесконечной толпы наиболее характерные лица: тупые, равнодушные к своему поражению, неспособные к сопротивлению.

И вот сейчас эти азиаты, кое-как опомнившись, убивают его товарищей.

– Двигай ближе к русским, – скомандовал обер-фельдфебель механику-водителю.

– Их там сотня, не меньше, – попытался возразить механик, более осторожный, чем его командир.

– Тем лучше. Будет куда истратить боезапас. – Он повернулся к пулеметному расчету:

– Ведите огонь из своих стволов поочередно, чтобы не давать «Иванам» передышки.

– Так точно! – откликнулись сверху.

Огонь пулеметов возобновился с новой силой. Фельдфебель стрелял из автомата. Теперь, когда бронетранспортер приблизился к ложбине метров на триста, пули все чаще находили свою цель. С другой стороны вели обстрел трое мотоциклистов.

Морозов поймал в прицел щиток, за которым маячили две каски. Дал одну, вторую очередь. Лейтенант был знаком с трофейным пулеметом МГ-42 и стрелял довольно точно. Однако пули не могли пробить щиток, рикошетили от скошенной кабины, радиатора.

Ответный огонь спаренной установки заставил лейтенанта и его помощника пригнуться, а затем сменить позицию. У одного из десантников не выдержали нервы, он поднялся и дал несколько очередей из ПППШ. Осина, за которой он укрывался, не стала ему защитой. Брызнули щепки, десантник сполз к подножию дерева.

Замолкший пулемет и удачное попадание подняли дух фельдфебеля.

– Русских надо было бить без передышки, – меняя автоматный магазин, возбужденно рассуждал он. – Ну-ка, спустимся еще на полсотни метров.

Механик-водитель хорошо знал пробивную силу винтовочных пуль. Они прошивают на триста метров броню семь-восемь миллиметров, а если пуля бронебойная?

– Не стоило бы рисковать, – осторожно возразил он. – У нас достаточно уязвимых мест, это же не танк.

– Двигай, – повторил фельдфебель, пристраивая автомат в открытом боковом окошке.

В этот момент появились разведчики. Их было не восемь, а только пятеро. Одного поддерживали под руки. Из бронетранспортера их пока не видели. Зато заметили десантники и поняли, что путь к Днепру закрыт. Стрельба усилилась, бойцы прикрывали уцелевших разведчиков.

Механик-водитель остановил машину, ожидая дальнейших команд. Он их не услышал. Зато по броне ударили словно молотком несколько раз подряд. Брызнула разбитая фара, полетели куски резины из передних колес. Усиленные бескамерные покрышки не боялись пуль, однако они могли перебить тягу.

Спаренная установка над головой механика работала в полную мощность. Но огонь со стороны русских был слишком плотный. Фельдфебель выронил автомат и схватился за руку. Механик, перегнувшись, осмотрел рану. Она была тяжелая, пуля перебила плечевой сустав, из раны, пузырясь, вытекала кровь.

Сцепив зубы, фельдфебель зажимал ее ладонью. Было видно, что он теряет сознание. Механик-водитель сделал самое разумное в этой ситуации. Круто развернув пятитонную машину, он погнал прочь от стреляющей ложбины.

В момент разворота невольно подставил пулеметный расчет. Одна из многих пуль, летевших в «Бюссинг», ударила в спину пулеметчика, второй успел нырнуть на дно десантного отсека.

В эти минуты командир разведки, старший сержант докладывал Морозову, тяжело переводя дыхание:

– Надо уходить в лес, товарищ лейтенант. Фрицы кругом, к Днепру не пробьемся. Место открытое, стреляют отовсюду.

Взводный, а теперь командир роты Федор Морозов понял ситуацию без лишних слов. Имея на руках полтора десятка раненых, лишённые тяжелого вооружения, люди были в этом овражке обречены на уничтожение.

Рота быстро уходила по расширявшейся ложбине в сторону леса. Хоронить погибших не было времени. На самодельных носилках по четыре человека несли тяжело раненных.

Группа бойцов во главе со снайпером Павлом Чередником прикрывала отход. Настрой у людей, несмотря на неудачное начало десантной операции, был приподнятый.

Не все идет, как надо. А если сказать прямо, получается полная путаница, смешались роты и батальоны, отсутствует связь. Неизвестно, что ждет их впереди. Но рота, сколоченная в бою, отступала в боевом порядке. Они прорвались через один и другой заслон, оставив позади не только тела своих погибших товарищей, но и трупы врагов. У многих висели на плечах трофейные автоматы и винтовки, несли пулемет.

– Шире шаг, – торопили людей сержанты.

– Боишься, что фрицы опомнятся? – отозвался один из десантников. – Вряд ли.

А сержант Чередник по прозвищу Зима, прицелившись, выстрелил в бронетранспортер, застывший на бугре. Расстояние было велико, больше километра. Пуля взбила фонтанчик сухой земли и, рикошета, ушла в небо.

На этот одинокий выстрел никто не отреагировал. Механик с помощью других солдат грузил в десантный отсек тело обер-фельдфебеля.

Рана оказалась смертельной, он истек кровью. Всегда багровое, обветренное лицо словно усохло, сделалось безжизненно желтым. Рядом положили раненого в спину пулеметчика. Его зацепило крепко, и соседство с мертвецом нагоняло дурные мысли.

– Отодвиньте подальше, – попросил он.

– Лежи спокойно. Чего мертвых бояться?

– Рана кровоточит... гляньте. Вдруг тоже кровью истеку.

– Не капризничай, Курт. Это уж как Бог решит. Вон мотоциклистов обгорелых везут. Тем вообще не повезло.

Солдаты курили, поджидая мотоцикл. Прерывая затянувшееся молчание, автоматчик из молодняка бодро заметил:

– Мы русским тоже крепко врезали. Подумаешь, парашютисты, элита армии! Я посчитал, десятка полтора валяется, да еще в лесу сколько лежат.

– Тысячи, – насмешливо сказал солдат постарше. – Взял бы и посчитал их всех. Или не рискнул глубоко соваться? Они стрелять умеют.

– И мы не хуже, – храбрился молодой.

– Ты хоть не обделался? – с участием поинтересовался старый солдат. – Если штаны в дерьме, это ничего. Постираешь. Главное, личный номер не потерял и автомат.

– Я из него шесть магазинов выпустил.

– Поэтому русские и удрали.

Отделение невесело посмеялось, наблюдая за тяжело груженным «цундаппом», который медленно переваливался через кочки. Из-под брезента в коляске торчали две пары обгоревших сапог. Проклятая война! Когда она кончится...

Глава 2. Цепляйтесь за берег зубами!

Именно так передали по радиации приказ генерала командиру 2-го десантного батальона майору Орлову.

– Уже вцепились. Не отпустим, – с долей самоуверенности отозвался рослый молодой комбат.

Как и многие другие десантные подразделения, батальон Василия Орлова тоже угодил ночью в переделку.

Уходя от зенитного огня, пилоты транспортной эскадрильи пытались набрать недопустимую для выброски десанта высоту два километра. Комбат Орлов ворвался в пилотскую кабину с пистолетом в руке и кричал, перекрывая гул тысячесильных авиадвигателей:

– Вы что, летуны, охренели? Десант хотите угробить? Договоренность была с шестисот метров людей сбрасывать. А вы в небеса лезете. Немецких зениток зассали?

Майору было двадцать семь лет. Он имел три ордена и три ранения, а в силу своей молодости не слишком выбирал выражения. Пилот, он же командир эскадрильи, попытался осадить зарвавшегося комбата:

– Иди на место. Посторонним здесь нечего делать.

Эскадрилья двухмоторных самолетов Ли-2 уже потеряла от зенитного огня одну машину. Снаряды счетверенной 20-миллиметровой установки подожгли двигатель, издырявили корпус. С ближних самолетов видели, как экипаж пытался выровнять машину. Из люка успело выпрыгнуть человек двенадцать парашютистов. Еще десять остались внутри, когда транспортник огненным клубком понесся вниз.

Досталось и самолету, в котором летел комбат Орлов. Несколько крупнокалиберных пуль пробили борт, запахло горелой резиной. Трассы шли густо. Взрывались то выше, то ниже снаряды 37-миллиметровых автоматов. Но особенно опасны на этой высоте были многочисленные 20-миллиметровки и крупнокалиберные пулеметы. Спасаясь от сотен мелких злых снарядов, спаренных, счетверенных пулеметных трасс, пилоты других машин вслед за командиром эскадрильи спешно набирали высоту.

– Какие шестисот метров! – тоже срывался на крик комэск в таком же майорском звании. – У нас размах крыльев тридцать метров. Мишень лучше не придумает. Вон еще один борт горит.

Все же Василий Орлов частично настоял на своем. Орал еще громче, размахивая потертым ТТ:

– Раскрытие парашютов принудительное, затяжных прыжков не получится. Людей в воздухе перестреляют.

Его батальон сбросили с более низкой высоты. Когда майор выпрыгнул, он увидел, как, ныряя, валится вниз еще один транспортник с размочаленным крылом и остановившимся правым двигателем.

Эти несколько сот метров, которые комбат буквально вырвал под угрозой оружия, обошлись эскадрилье транспортных Ли-2, или «Дугласов», как их часто называли, еще в два сбитых самолета. Но Орлов сумел спасти значительную часть своего батальона, хотя людей раскидало на довольно большом участке.

Две роты приземлились на берегу. Третью роту во главе с замполитом батальона капитаном Майковым порывами ветра тащило прямо в Днепр.

Парашютисты один за другим врезались в холодную, бурлящую волнами поверхность. Те, кто терялся, упуская немногие минуты, имевшиеся в запасе, исчезали в глубине. Течение некоторое время тащило куполы и мертвые тела, но тяжесть оружия, боеприпасов и снаряжения тянула погибших на дно.

Те, кто успевал отстегнуть замки-карабины на лямках, выныривали. Здесь их ждали сплетение строп, огромные полотнища парашютов, в которых люди запутывались и тоже тонули.

Но половина третьей роты сумела спастись. В этом была заслуга болевшего за свой батальон несдержанного молодого майора и его командиров. Постоянные тренировки помогли десяткам людей выплыть.

Бойцы резали стропы, некоторые сбрасывали заплечные вещмешки и, выныривая, плыли к берегу. Помогли спасению еще два обстоятельства. В трехстах метрах от берега протянулась километровая песчаная коса. У большинства вряд ли хватило бы сил добраться до берега, но к косе вынесло около пятидесяти человек.

И здесь хорошо сработал замполит Иван Евсеевич Майков. Он был полной противоположностью храброму майору Орлову (одна фамилия чего стоит!) – невысокого роста, лысоватый, и возрастом старше лет на двенадцать.

Таких в десант берут редко. Но бывшего преподавателя истории лесотехнического техникума взяли. Политработников во вновь формируемых воздушно-десантных войсках не хватало. Кроме того, Майков в свое время отслужил два года в армии, имел военный опыт и неплохую физическую подготовку.

Удивительно было, что невзрачный Майков не только выплыл сам, но и, бегая по кромке песка, помогал выбраться обессиленным бойцам. Раза два капитан бросался в воду (он хорошо плавал) и подтаскивал за стропы нахлебавшихся воды парашютистов.

Если возле песчаной косы боролись со стихией и течением, то три десятка человек из первой роты свалились прямо на головы врагу. Немцы не разевали от удивления рты подобно пузатым карикатурным фашистам, а открывали огонь. Но и десантники реагировали мгновенно. Наверху разгорался бой. На помощь головному взводу спешили остальные парашютисты.

По разным данным, первые плацдармы на правом берегу Днепра были захвачены подразделениями Красной Армии 20-22 сентября. Некоторые отвоеванные большой кровью участки просуществовали считанные часы.

Штурмовые группы, захватившие их, сражались, как правило, до конца. Когда заканчивались боеприпасы, кидались в контратаки, дрались прикладами и штыками. Тела этих безвестных героев немцы сбрасывали с обрыва, и течение тащило их вниз по реке.

Другие плацдармы продолжали держаться. К ним под огнем непрерывно переправлялась подмога. Однако успехи в этом вопросе были преувеличены, и сведения, что нашими войсками заняты значительные участки берега, в те дни не соответствовали истине.

Командиры дивизий и полков торопились доложить об успехе, едва их передовые роты достигали противоположенного берега, и долго умалчивали, когда очередной штурм срывался и плацдарм исчезал.

Несколько тысяч десантников предполагалось сбросить в 10-20 километрах от береговой линии, чтобы перекрыть путь к переброске немецких частей и помочь наступающим войскам в переправе и удержании плацдармов.

При удачном раскладе это был неплохой план. Учитывалось, что на вооружении трех воздушно-десантных бригад имелось более 200 легких орудий и минометов, противотанковые ружья, большое количество пулеметов и автоматов.

Большинство бойцов сбрасывалось на парашютах. Противотанковые пушки, минометы вместе с расчетами десантировались на грузовых планерах. Боеприпасы, медикаменты и продовольствие сбрасывались также в контейнерах, подвешенных к парашютам.

Десантники прошли хорошую подготовку, были тренированы, большинство имело опыт боевых действий.

Уже в первую ночь выброски, с 24 на 25 сентября, десантные части рассеялись на большом пространстве. И хотя батальон майора Орлова промахнулся не по своей вине километров на семь, действовал он энергично и слаженно, как и ожидали.

В этом месте на обрывистом берегу Днепра немецкая саперная рота возводила укрепления, рыла траншеи. Сто шестьдесят человек под руководством опытного капитана-сапера представляли из себя боевую единицу, способную не только строить, копать, но и нанести удар по противнику.

Два грузовика подвозили стройматериалы, работала бетономешалка, молотил генератор, давая электрический ток для сварочных работ. Личный состав роты наполовину состоял из солдат и унтер-офицеров старшего возраста, прошедших школу прошлой войны с Россией.

Вооружение составляли карабины, гранаты и некоторое количество автоматов. Этот участок берега охранял также взвод укрепрайона: автоматчики, три 80-миллиметровых миномета и пулеметный расчет.

Когда в ночи поднялась стрельба, береговая охрана и саперы не знали, что происходит выброска десанта. Тем более зенитные батареи вели огонь в глубине обороны. Больше опасались ночной переправы скопившихся на левом берегу русских частей.

Но переправа шла в основном южнее, в районе Букринской излучины, где уже несколько дней не стихала канонада. Попытки предпринимались и на других участках. Поэтому саперы и взвод береговой охраны каждые несколько минут запускали осветительные ракеты. Иногда взлетали в воздух «люстры», выпущенные из миномета. Медленно опускаясь на парашютах, они освещали белесым мертвым светом огромную реку.

Причины для опасений имелись. Пару часов назад в километре отсюда пробилась незамеченной шлюпка с русскими разведчиками. Они сумели тихо пробраться к сторожевому посту на пологом откосе. Старшего поста закололи ножом, а солдата оглушили и загрузили в шлюпку.

Им помешали волны, которые швыряли легкое суденышко с боку на бок и мешали отчалить. Русских случайно заметил начальник караула. Огнем из пулемета издырявили шлюпку, предлагали разведчикам сдать.

Фанатики отвечали автоматными очередями, ранили двух солдат. Когда подошли к концу патроны, взорвали гранатами себя и пленного. Капитан-сапер ходил смотреть. Вид изорванных тел и упрямая самоотреченность русских оставили ощущение, что бои предстоят упорные. Не такая уж непреодолимая преграда этот Восточный вал.

Вчера из левобережного леса вели огонь 203-миллиметровые гаубицы. Снаряды летели не слишком точно, сказывалось расстояние. Однако мощные взрывы фугасов весом сто килограммов дали понять, что вооружение Красной Армии далеко не такое слабое, как его пытается представить немецкая пропаганда. И оно не уничтожено в мясорубке Курской битвы.

Капитан видел неразорвавшийся снаряд размером с небольшого поросенка. Его размеры впечатляли. Одно из попаданий «русской Берты» разрушило дот с дальнобойным оружием. Два часа откапывали и вытаскивали сплюснутые посиневшие тела артиллеристов.

Сейчас капитан-сапер и лейтенант, командир охранного взвода, стояли на краю обрыва, всматриваясь вдаль. Черная густая вода, брызги сталкивающихся волн, иногда плывущие по течению деревянные обломки, мертвые люди и лошади.

– Они угробили под Букрином не меньше десятка тысяч своих солдат, – сказал лейтенант. – И продолжают попытки.

– В донесениях их командиров графа «людские потери» занимает едва не последнее место, – пояснил бывалый сапер. – Ты ни разу не видел русские маршевые роты? Они идут

к фронту огромными колоннами день и ночь. Никто не считает убитых. Они завалят Днепр трупами и все равно доберутся до нас.

Молодому лейтенанту не нравились слова капитана. Он возразил:

– Когда вы построите укрепления, здесь через каждые полста шагов будут стоять пулеметы. Это не считая наших минометов и артиллерии.

– Артиллерия есть и у русских. Видел, какие снаряды они запускали из тяжелых гаубиц? Бетонный дот раздавило, как орех. Ни один человек из расчета не выжил – одиннадцать свежих мертвецов.

– Русские теряют в двадцать раз больше.

– В любом случае они добрались до Днепра, и покоя нам не будет. Вчера работали «восьмидюймовки», а завтра посыпятся бомбы с полтонны весом.

В общем-то, старый и молодой командиры ладили. Оба были готовы выполнить свой долг и считали, что волна русского наступления разобьется о Восточный вал. По крайней мере, до сильных морозов сталинские генералы проканителеятся со своими провальными переправами и бесчисленными людскими потерями. А за три-четыре месяца многое может измениться.

Толстый боров Черчилль терпеть не может коммунистов. Поляки и западные украинцы ненавидят русских, а это немалая сила. Франция больше болтает, чем принимает реальное участие в войне. Да и Америка не в восторге от продвижения Советов на запад. Хотя поставляют торгаши чертовы большевикам свои танки и самолеты тысячами!

Ладно, на войне вредно слишком много загадывать. Пока есть конкретная цель – устроить красным мясорубку на Днепре и не пустить их на правый берег. Эту задачу и следует выполнять.

Оба офицера выкурили по сигарете, отпили по несколько глотков коньяка из плоской фляжки сапера и собрались разойтись по своим местам. В этот момент началось непонятное.

Парашютисты опускаются довольно быстро. Если глядеть на них с земли, кажется, что они стремительно летят прямо на тебя.

Первые три десятка десантников буквально свалились из темноты на головы занятых своей работой саперов. Несущиеся силуэты и купола парашютов увидел шофер одной из машин, стоявший на подножке и ждавший, когда разгрузят кузов. Ему хватило полминуты, чтобы сообразить, что происходит.

– Русские парашютисты! Красный десант!

Он кричал, тыкая пальцем в приземлявшиеся фигуры, затем выдернул из зажимов карабин. Бросили работу и побежали за оружием часть саперов.

У десантников реакция оказалась куда быстрее. Приземлившийся сержант отстегнул мешавшие лямки, перекатился на бок и с ходу открыл огонь из ППШ. Первой жертвой стал шофер, успевший сделать один выстрел и лихорадочно передергивающий затвор. Очередь сбросила его с подножки. Он скорчился, зажимая ладонями простреленный живот.

Двое саперов поблизости уже целились из карабинов в сержанта, но угодили под огонь другого десантника. Унтер-офицер, командир отделения, бросился на парашютиста, запутавшегося в стропах. Не вспомнив о пистолете в кобуре, он хотел задушить русского. Сцепился с коротко стриженным парнем, схватил его за горло, но получил удар ножом.

Унтер из последних сил пытался достать из кобуры пистолет, но рана оказалась смертельной. Стриженный десантник этим же остро отточенным ножом быстро перерезал стропы. К нему бежал один из постовых с карабином в руках. Но парашютист, прошедший хорошую подготовку, уже дотянулся до автомата и встретил бежавшего очередью. Удлиненные патроны ППШ обладают большой пробивной силой. Очередь прошла немецкого солдата насквозь, вырвав из спины клочки окровавленного сукна.

В течение считанных минут на участке саперной роты разгорелся бой. Вначале это было просто уничтожение. Десантники, вооруженные почти все автоматами, расстреливали немецких саперов. Горел грузовик, очередь ударила в тархтевший генератор. Брызнул сноп искр. Ослепительная электрическая дуга с треском перемкнула провода. Генератор вспыхнул и разгорался ослепительным в ночи пламенем.

Шло быстрое и совершенно неожиданное уничтожение саперной роты. Парашютисты в теплых комбинезонах или бушлатах, некоторые в кожаных шлемах, другие в пилотках со звездочками, бежали, расстреливая все живое из своих автоматов с круглыми емкими дисками.

Те, у кого пустел диск, порой не успевали заменить его и действовали прикладами или ножами. И снова одной из причин многочисленных потерь в первые минуты боя стала недооценка немецкими командирами и солдатами своего противника.

Ожидали неуклюжие плоты и медлительные понтоны, которые отчалят с левого берега и которые будут расстреливать, не дав достичь середины реки. Даже когда гремели автоматные очереди, постовые и взвод охранения всматривались в пустынную реку, ожидая подвоха.

Упущенное время обошлось дорого. Не менее двадцати убитых и тяжело раненных саперов лежало среди вырытых траншей и отсечных ходов. Один из немецких взводных командиров открыл огонь из пистолета и попытался остановить бегство. Он ранил десантника, но был тут же прошит очередью.

Возможно, первые три десятка парашютистов уничтожили бы всю роту, но вмешались старый капитан и командир охранного взвода. Преимущество в людях было на их стороне, оставалось его реализовать.

К месту боя бежали минометчики (нужды в их трубах пока не было) и посты, охранявшие берег. Развернули тяжелый станковый пулемет МГ-08. Над головами десантников пошли разноцветные трассы. Лейтенант с несколькими подчиненными вломились в гущу боя. Встречным автоматным огнем уложили одного, второго парашютиста. В горячке под пули угодил кто-то из своих, на это не обратили внимание.

Начался встречный бой в отсветах горящих грузовика и генератора. Саперы, которые остались в стороне, спешно расхватывали карабины и тоже вступали в схватку. Они уступали в решительности и смелости русским парашютистам. Те дрались не только с умением, но и с ненавистью, до которой германским солдатам было далеко.

Даже тяжело раненные десантники из последних сил нажимали на спусковые крючки своих скорострельных автоматов. Парашютисты с перебитыми руками, не способные держать автомат, выдергивали зубами кольца гранат и швыряли их, не заботясь, что могут погибнуть от собственных осколков.

Лейтенант, командир охранного взвода, свалил очередь крепкого темноволосого десантника. По кобуре на поясе догадался, что это офицер. Потянулся, чтобы достать трофейный пистолет, но русский ударил его ножом в голень. Выше дотянуться не смог. Вскрикнув от острой боли, лейтенант выпустил в голову парашютиста остаток магазина.

Ефрейтор-ординарец тоже выстрелил в мертвого русского и, достав из кобуры ТТ, протянул лейтенанту:

– Возьмите. Говорят, неплохое оружие.

– Перевяжите меня побыстрее. – Лейтенант мельком оглядел пистолет, наблюдая за ходом боя. – Чертов азиат просадил голень.

Ординарец быстро перевязывал рану и одновременно докладывал, что почти все русские парашютисты уничтожены.

– Некоторые окружены, но продолжают сопротивляться. Упорные, сволочи!

Из тридцати десантников, которые приземлились группой, в живых оставалось меньше половины. Большинство из тех, кто продолжал бой, были ранены. К штатному ору-

жую десантников, автоматам ППШ, прилагалось всего по два диска. В основном они были израсходованы, а перезаряжать диски в ходе ночного скоротечного боя не было возможности.

Парашютисты отбивались гранатами, ножами. Бросались на саперов, выхватывали карабины и пускали их в ход. В рукопашной схватке и саперы, и минометчики явно уступали русским. Капитан, командир саперной роты, оглядев тела убитых подчиненных, отдал своим людям приказ отойти.

– Хватить потерь. Эти русские обходятся нам слишком дорого. Добьем оставшихся из минометов.

С некоторым запозданием к месту боя добрались две роты во главе с комбатом Орловым. Люди бежали, торопясь помочь товарищам, и ударили с ходу. Были новые потери, но саперную роту и охранный взвод уничтожили почти полностью.

Допросив пленного, майор выяснил, что захваченный нашими войсками плацдарм находится в двенадцати километрах ниже по течению. Первой мыслью комбата было идти на соединение.

Но уже светало, и немцы плотно обложили участок, захваченный батальоном майора Орлова. Кроме того, на рассвете обнаружилось, что на песчаной косе находится третья рота батальона во главе с замполитом Майковым. Бросить ее означало обречь на гибель.

К батальону в течение ночи и первых рассветных часов присоединилось еще несколько групп десантников. В траншеях и недостроенных укреплениях собралось около пятисот человек, которые держали участок берега длиной полтора километра.

Кроме штатного оружия имелось два трофейных миномета, карабины, автоматы. А самое главное, довольно большое количество боеприпасов, завезенных накануне для снабжения будущего узла обороны.

На рассвете обнаружили также два грузовых парашюта и контейнеры. В них находились медикаменты, патроны, продовольствие. В одном из тюков находились в разобранном виде два самозарядных противотанковых ружья Симонова с боезапасом.

Немецкие инженеры неплохо рассчитали места для оборонительных узлов. Участок, на котором работала уничтоженная саперная рота, представлял из себя отрезок берега, защищенный по флангам двумя глубокими оврагами. По ним стекала весной в Днепр талая вода. Подходы были пересечены более мелкими овражками и промоинами. Получалось подобие природного укрепления. Отсюда было бы удобно отбивать атаки в случае прорыва русских частей на правый берег.

Теперь это укрепление помогло батальону Орлова и соединившимся с ним более мелким подразделением отбить атаку, предпринятую немцами на рассвете. Она была организована наспех. Атаковали спешно поднятые по тревоге охранные роты и даже отдельные взводы. Велся минометный огонь, стреляло несколько пушек. Немцы еще не разобрались в ситуации, и атака была отбита.

Но уже через час начался интенсивный обстрел батальона и подготовка к новой атаке. Тем временем Орлов делал попытки связаться по радиации со своим командованием.

Он не знал, что руководство десантной операцией перепоручили командованию наступающего фронта. Как водится, там еще в дела толком не вникли, искали тех, кто руководит десантом. Комбата похвалили за активность и приказали оборонять отвоеванный плацдарм до подхода подкрепления.

Орлов мыслил трезво, а обычное в таких случаях обещание прислать подкрепление говорило лишь о том, что ему придется в ближайшие сутки-двое рассчитывать лишь на себя и сколоченные им роты.

Откуда оно явится, это мифическое подкрепление? Майор понял, что из нескольких тысяч десантников, разбросанных ветром и неумелым руководством по правому берегу, его батальон, скорее всего, самое крупное подразделение, сумевшее объединиться и даже захватить плацдарм. Другие группы к нему не прорвутся.

Помощь с левого берега? От основных частей Красной Армии батальон отделяла километровая лента быстрой холодной реки, простреливаемая вдоль и поперек. Левый берег был низкий, болотистый. Подошедшие войска укрывались в пойменном лесу, не рискуя приближаться к воде.

Скорее всего в прибрежных кустах находились лишь артиллерийские наблюдатели и разведка. Береговую полосу постоянно обстреливали, как и плацдарм Орлова. Даже саперы мастерят свои плоты или готовят понтоны где-то в глубине заливов или в том же лесу.

– Помогите хотя бы артиллерийским огнем, если пойдут танки, – попросил Орлов.

– Поможем, – доносился сквозь треск помех чей-то командный (не иначе генеральский) голос. – А берег держать! Цепляйтесь за него зубами.

– Ясно. Сделаем все возможное.

Связь прервалась, а комбат выругался. Пустой и беспредметный состоялся разговор. Ничем не подкрепленные команды в генеральской манере. Поставив точку в пустом разговоре, неподалеку взорвался очередной снаряд.

Блиндаж, в котором разместился батальонный командный пункт, хотя и был недостроен, но укреплен добротнo. Мины и снаряды среднего калибра, взрываясь неподалеку, лишь слегка сотрясали сооружение. Думать о том, что немцы пустят в ход тяжелую артиллерию, не хотелось. Хватало забот и без того.

Что-то надо было решать с ротой, окопавшейся практически на голой косе. Частично коса находилась под прикрытием батальона. Однако с северной стороны ее обстреливали постоянно, и потери, судя по всему, там имелись немалые.

Крепкий боец из бывших рыбаков сумел переплыть трехсотметровый участок холодной быстрой воды. Он сидел напротив комбата, закутанный в шинель, обжигаясь, пил горячий чай и докладывал:

– Вода нахолодалась, на траве уже иней по утрам. Течение очень сильное, особенно возле берега. Нас двое поплыли. Второго, видимо, судорогой свело, бултыхнулся раз-другой и исчез. Как и не было человека.

– Сколько вас там?

– Человек пятьдесят или чуть больше.

– Раненых много?

– Двое-трое легких. Нас мало пока обстреливали. Но люди мокрые, замерзшие. У одного ноги отнялись.

– Доплыть до берега не сумеют?

– Нет, – уверенно покачал головой парень. – Я Волгу свободно перемахивал, но это когда вода теплее. А здесь сам чуть пузыри не пустил. На песке бревна кое-где валяются, сушняк, обломки разные. Ночью можно будет попробовать плоты связать, а сейчас все в норы зарылись. Пулеметами с утра косу причесали, мин с десятков выпустили.

Парня отвели в санчасть. Пока плыл, получил контузию от близко взорвавшейся мины. Повезло, что имелся батальонный врач, который вместе с фельдшером организовал санчасть. Уже оперировали раненых.

Пришел лейтенант Костя Левчук, помощник Орлова. Обходились без начальника штаба. Опытных офицеров не хватало, все они командовали ротами. Половину взводов возглавляли сержанты.

Шустрый молодой лейтенант доложил, что люди находятся на своих местах, готовятся к отражению атаки. В строю четыреста сорок человек.

– Понесли потери во время отражения атаки, да и сейчас то в одном, то в другом месте мина кого-нибудь найдет. Тридцать с лишним человек тяжело раненных. С ними хирург и фельдшер занимаются, но часть безнадежные.

– Что с вооружением?

– Станковый пулемет один, кайзеровский на треноге, аж девятьсот восьмого года выпуска. Но стреляет исправно. «Дегтяревых» – ручных и танкового образца – шесть штук. Противотанковые ружья бережем, патронов мало, вдруг танки пустят. К немецким «самова-рам» три сотни мин.

– Противотанковые гранаты среди трофеев не обнаружили?

– Нет, – отрицательно покачал головой круглолицый лейтенант. – Ребята мастерят связки, тол используют.

– Ладно, пойдем глянем, что на берегу творится, – сказал, поднимаясь, Орлов.

Остановившись в траншее напротив песчаной косы, он долго всматривался в бинокль, но, кроме нескольких мертвых тел, ничего не увидел. Его начальник штаба уже глубоко зарылся в песок вместе с уцелевшими бойцами. Роте (или ее остаткам) повезло, что с ними был Майков. Пунктуальный, грамотный в обороне, предусмотрительный штабист, заботившийся о людях больше, чем это было принято на войне.

Они познакомились весной сорок второго под Саратовом, где формировался отдельный парашютно-десантный батальон. Василий Орлов носил тогда капитанские «шпалы», орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», полученную за Халхин-Гол. Иван Евсеевич Майков был старшим политруком, тоже носил две награды: знак «20 лет РККА» и скромную медаль «За боевые заслуги».

Они были разные по-характеру, по-разному складывались у обоих служба и семейная жизнь. Василий Орлов, под сто восемьдесят сантиметров ростом, широкоплечий, быстрый в движениях и поступках. И лицо у него было из тех, которые называют мужественными и нравятся женщинам.

Иван Майков, невысокий, худощавый, с подступающей к макушке залысиной. Но под гимнастеркой угадывалось жилистое крепкое тело человека, привыкшего к физическому труду. В отличие от Орлова в армию он пришел без особой охоты. Призвали в двадцать девятом году по путевке райкома партии. Закончил курсы политсостава и долгое время служил политруком роты в разных областях Союза. Следом за ним по гарнизонам моталась его семья: жена, трое дочерей и теща.

Воевал с августа сорок первого, отступал и давно бы сгинул в мясорубке первого года войны, но был назначен политработником в учебный полк, а оттуда в мае сорок второго получил назначение во вновь формируемый воздушно-десантный батальон. Ехал туда по приказу, не представляя, какой с него будет толк. Майков самолеты видел издали, а в роли лихого десантника вообще себя не представлял.

Ничего, свыкся. Тем более воевали вначале на земле, и лишь к концу сорок второго началась учеба, прыжки с парашютом. В сорок третьем впервые участвовал в небольшом десанте под Ростовом, за что получил орден Красной Звезды.

У Василия Орлова военная биография складывалась по-боевому четко. Через год после окончания военного училища попал на Халхин-Гол, где проявил себя решительным командиром. Случился там даже эпизод, когда лейтенант Орлов встретился с малоизвестным тогда командиром Особого корпуса Георгием Жуковым, будущим маршалом Победы.

Жуков, коренастый, хмурый, с неудовольствием наблюдал, как откатывались после неудачной атаки роты. Приказал найти комбата. Оказалось, что убит. Ротные командиры – кто ранен, кто застрял на склонах высоты. На глаза попался рослый лейтенант, собиравший своих бойцов.

- Кто такой?
- Лейтенант Орлов, командир стрелкового взвода, – лихо оттрапортовал Василий.
- Чего копаешься?
- Готовлю взвод к бою.
- Бой уже идет. Так и будь орлом, а не курицей. Поднимай людей в атаку.
- Есть, товарищ комкор!

Тогда шли ожесточенные бои за главенствующую высоту, гору Баин-Цаган. Конечно, не один батальон дрался там, но комкор Жуков давал приказ именно Орлову. Тот, снова лихо козырнув, собрал людей и провел успешную атаку.

Через час-два они встретились снова, командир корпуса Жуков и лейтенант Орлов. Василий хотел доложить об успехе, но его оттеснили. Жуков быстрым шагом прошел мимо, осматривая взятую высоту, разбитые орудия, трупы японцев. Кто-то из свиты, в звании полковника, похлопал лейтенанта по плечу:

- Молодец, лихой парень. Иди, перевяжись. Георгию Константиновичу не до тебя.

После победы под Халхин-Голом в личном деле уже старшего лейтенанта Орлова, награжденного медалью «За отвагу», появилась запись, что за умелые и решительные действия он получил благодарность от руководства советской группы войск в Монголии. То бишь от Жукова, который вскоре стал начальником Генерального штаба РККА.

Неплохо складывалась служба у Василия Орлова. Войну встретил командиром стрелковой роты, а в мае сорок второго был назначен командиром отдельного парашютно-десантного батальона, быстро вырос до майора. Когда на базе батальона создавалась десантная бригада, был уверен, что станет комбригом и получит подполковника. Ивана Майкова, с которым неплохо сработался, планировал на должность комиссара бригады.

Но ожидания не сбылись. Ссылаясь на недостаток опыта, майора Орлова оставили в должности командира батальона. Даже не отдельного (на правах полка), а обычного номерного, в составе бригады. Принимай третий батальон и выше пока не прыгай! Не помогла запись в личном деле о храбрости под Халхин-Голом и два ордена, честно заработанные в боях.

Сыграли свою роль и некоторые отрицательные черты характера. Коммунист Орлов любил гульнуть, развелся с первой женой, а это значит – не совсем морально устойчив. Был неводержан на язык, говорил прямо что думал. Это осуждалось больше всего и два становилось предметом разборов на партийных собраниях.

– Вы, боевой командир, – отчитывал его комиссар или политработник, присланный свыше, – а рассуждаете, как неграмотный обыватель. Откуда такие упаднические настроения, что германская техника лучше нашей, а наши военачальники принимают сплошь неправильные решения?

– Пулеметы у фрицев сильные, – осторожно замечал Орлов. – И авиации пока больше. Чего ж тут скрывать? Надо правильно оценивать противника.

– Вы лучше вспомните разгром фашистов под Москвой. Это лучше всякой болтовни говорит, на чьей стороне сила.

В общем, решили, что рановато ставить боевого, но политически незрелого комбата на должность командира бригады. Пусть еще повоюет, наберется ума и опыта.

Новый комбриг угадал крепко задетое самолюбие Орлова. Видел, что командир он энергичный и перспективный. Опасался, вдруг поднимет связи, начнет продвигаться вверх и, не дай бог, сковырнет нового командира бригады, ничем особым себя не проявившего.

Оберегая свою должность, поставил Василия Семеновича Орлова даже не во главе первого батальона (главный кандидат на замещение выбывшего в бою комбрига), а отодвинул едва не в самый хвост. Это ударило по самолюбию еще сильнее. Считай, крепко двигали вниз командира полкового уровня, которому сам Жуков на Халхин-Голе ответственное

дело поручил. Василий Орлов удары держать умел, напора в службе не убавил и вывел третий (слабоватый) батальон в первые ряды.

А тут этот неудачный десант. Поднимало настроение, что его люди раскатали немецкую саперную роту, отбили с утра атаку и держат плацдарм на берегу, о котором знает высокое командование и верит в майора.

Вместе с лейтенантом Костей Левчуком обходил траншеи, говорил с людьми. Среди его подчиненных находились и бойцы второго батальона, а сам комбат, по слухам, погиб в бою во время приземления. Так что на Василии Орлове теперь два батальона, хоть и неполных. Остановился возле пулеметного расчета:

– Как с боеприпасами?

Белобрысый сержант, неплохо оборудовавший позицию, доложил:

– Пять полных дисков...

– И все?

– К «дегтяреву» все. У второго номера полторы сотни патронов к ППШ. Трофейная винтовка и к ней обойм двадцать. Гранаты есть, двенадцать штук.

Ясно. Дальше спрашивать не о чем. Такого запаса максимум на день хватит. Да и то если фрицы сильно атаковать не станут. Немного подняли настроение минометчики и старшина. К двум трофейным трубам мин оставалось пока достаточно, да и патронами у немецких минометчиков ребята разжились неплохо.

Старшина Георгий Золотарь доложил, что захвачено несколько ящиков винтовочных и автоматных патронов, а также гранаты.

– Ну-ка, покажи.

Ящики громоздились штабелями в складе, защищенном тройным накатом из просмоленных шпал. Умеют суки-фашисты строить. Даже маскировка такая, что с десяти шагов склад не заметишь.

– Тут не несколько, а запас приличный. Раздай часть людям.

– Пока нужды нет, – вежливо дышал в сторону хвативший спирта старшина. – Если вы пулеметчиков имеете в виду, которые неподалеку от меня, так у них трофейный автомат имеется и цинк на полтысячи патронов к нему.

– Ты спиртом не слишком увлекайся. В санчасть отнеси.

– Уже отнес. Трехлитровую флягу, консервы и мед фрицевский в картонных баночках.

Георгий, или проще Гоша Золотарь, преданно смотрел на комбата. Крепкий в груди и плечах, светло-рыжий старшина дело свое знал. Людей покормил, доварив с помощниками в полевой немецкой кухне картошку со свиной. Раненым вскипятил кофе из яркой банки.

Да и выглядел старшина по-боевому. Трофейный автомат за спиной, а вместо «нагана» тоже трофейный пистолет в желтой кожаной кобуре.

– Сам добыл или у бойцов выцыганил?

– Автомат сам отбил. Фрица из «нагана» срезал. А «парабеллум» молодняк подарил, он с ним все равно не умеет обращаться.

– Хорошо, Георгий, – одобрил активность старшины комбат, – обшарь все закутки. Боеприпасы под строгий учет. Неизвестно, сколько нам здесь находиться.

– Есть под строгий учет!

– А место для обороны неплохое.

– Хорошее место. Не зря немцы здесь укрепления строили. С обеих сторон овраги берег защищают. По фронту промоины, низина... Но танки все равно пройдут.

– Если пройдут, то и нас не останется. Ребята мастерят разные штучки из тола. Ты тоже подумай.

– Канистра бензина есть. И бутылок пустых с полсотни.

– Когда выпить-то успели?

– За нашими не угонишься, – лицемерно вздохнул старшина. – Будем заливать в них бензин. Против танков очень даже сгодятся.

Орлов и Левчук направились дальше. Их обход прервал начавшийся минометный обстрел, а затем с левого берега передали по радиации, чтобы усилили внимание.

– Ждите гостей, – доносилось сквозь треск помех. – Как слышно?

– Хреново слышно. Будем ждать.

– И поддержите всеми видами оружия.

– Поддержим, – пробормотал Василий Орлов, положив трубку.

Немцы активно использовали глушилки, чтобы лишить связи прорвавшиеся на правый берег подразделения. Смысл сказанного комбат Орлов понял. Готовится переправа на их участке. Только когда? Неужели среди дня, когда понтоны и плоты будут как на ладони? Или все же умные штабные головы дождутся ночи?

В отличие от Сталинграда, где переправы шли ночью (да и то несли огромные потери), на Днепре на время суток не смотрели.

– Разницы нет, – утверждало высокое начальство. – Ночью все освещено ракетами, а днем хоть какая-то внезапность.

Замполит Майков из своей песчаной норы, слегка укрепленной мелкими бревнами, с удивлением смотрел, как от левого берега отчаливают плоты разного размера, несколько лодок, понтон с легкими противотанковыми пушками. Рассекая водную гладь, вперед вырвались два американских вездехода-амфибии, вооруженные крупнокалиберными пулеметами.

Из леса на левом берегу вела довольно интенсивный огонь наша артиллерия. Но лес находился в километре от берега, и разброс снарядов был велик. Эффективного артиллерийского прикрытия не получалось.

Капитан Майков, старавшийся угадать в любом действии целесообразность, не мог понять, зачем пустили вперед быстроходные амфибии. Высадить штурмовую или разведывательную группу? Она ни к чему. На правом берегу имеется хоть и небольшой, но плацдарм. Может, торопят высадить командиров, которые будут руководить переправой?

Ответа на свои вопросы он бы все равно не получил. А немецкая артиллерия и пулеметы уже обстреливали переправляющуюся воинскую часть. Замполит понял, что тархтящий медлительный понтон, плоты, которые двигались с помощью больших самодельных весел, и даже быстроходные вездеходы-амфибии обречены.

Столбы разрывов сужали круг, приближаясь к цели. За годы войны бывший мастер хлебозавода научился хорошо различать калибр немецких снарядов.

Чаще всего летели 75-миллиметровые осколочно-фугасные заряды из легких скорострельных пушек и 80-миллиметровые мины. Близкий взрыв подкинул один из плотов, в воду сбросило гребца с обломком весла.

Еще один снаряд взорвался на понтоне, загруженном до бортов людьми, пушками-«сорокапятками», боеприпасами. Взвился столб дыма, взлетели мелкие и крупные обломки, человеческие тела. К 75-миллиметровым снарядам прибавились более мощные заряды 105-миллиметровых гаубиц.

Это оружие было куда серьезнее. Осколочно-фугасный снаряд весом пятнадцать килограммов развалил надвое плот. Среди водяной пены и разорванных бревен виднелось несколько голов уцелевших бойцов. Одновременно с гаубицами дружно ударили пулеметы, в том числе крупнокалиберные.

Головной вездеход-амфибия тонул, получив несколько пробоин от близко рванувшего снаряда. Экипаж, четыре человека в оранжевых спасательных жилетах, плыл по направлению к понтону. Яркий цвет жилетов действовал на немецких пулеметчиков, как красный цвет на быка.

Трассы перехлестывали тела, выбивая крошево пробковой начинки жилетов и брызги крови. Все четверо были уже мертвы, но жилеты держали тела на плаву. Пулеметы, не унимаясь, взбивали вокруг них фонтанчики бурой от крови воды. Сквозь выстрелы доносились возбужденные крики немецких солдат. Зрелище смерти захватывало их, не давая оторваться от спусковых крючков «машингеверов».

Второй вездеход дымил и двигался рывками, пытаясь добраться хотя бы до песчаной косы. Его крупнокалиберный пулемет вел отчаянный поединок с зенитным 37-миллиметровым автоматом на берегу. Снаряд разнес стекло и убил водителя. Пулемет продолжал стрелять, но сразу два или три снаряда накрыли амфибию, и она стала медленно погружаться в воду.

Течение пронесло мимо косы тонущую искореженную машину. Рядом покачивалось на волнах тело одного из бойцов в знакомом оранжевом жилете.

Капитан Майков, несмотря на отчаянное положение третьей роты, уже наметил цели. Отсиживаться в норах, когда шло методичное уничтожение десятков бойцов, он не позволил бы ни себе, ни подчиненным.

С косы отчетливо просматривался береговой откос, с которого вели огонь два пулемета и приземистая противотанковая пушка, получившая кличку «гадюка» за длинный тонкий ствол со змеиной головкой дульного тормоза.

«Гадюка» имела точный бой и в очередной раз угодила в понтон. Достать ее снизу вверх (уступ был высотой метров семь) было невозможно, но языки пламени двух пулеметов МГ-34 виднелись отчетливо. До цели было метров шестьсот, а в распоряжении Ивана Майкова имелся лишь один ручной пулемет Дегтярева. Автоматы ППШ на таком расстоянии бесполезны. Кроме пулемета можно было использовать несколько карабинов.

Чтобы не подставлять всех своих людей, капитан приказал открыть огонь из «дегтярева» и карабинов. Сам он тоже вооружился карабином и выпускал пулю за пулей в хорошо заметные пасмурным осенним днем вспышки «машингеверов».

Этот безнадежный поединок, продиктованный желанием помочь людям, гибнущим на открытой воде, сразу обернулся для третьей роты новыми потерями.

Немцы, азартно расстреливающие плоты и лодки, порой поднимались в рост для лучшего обзора. Один из пулеметов вел огонь с зенитного станка. Бегали подносчики боеприпасов, командир группы наблюдал за происходящим в бинокль, стоя в открытом окопе.

Пулеметчики Майкова и несколько метких стрелков сумели достать пулями расчет зенитного «машингевера», ранили командира группы. В сторону косы развернули «гадюку» и один из пулеметов. Точные выстрелы и пулеметные очереди сверху вниз легко находили цель.

Песок плохо спасал от пуль и тем более от снарядов. Стрелков выбивали один за другим. Неподалеку от капитана взорвался снаряд, раскидав пулеметчиков. Майкова заваляло песком, он с трудом выбрался. Капитан увидел, как частые артиллерийские разрывы буквально перепыхивают узкую косу. Песок быстро впитывал кровь погибших и раненых десантников.

Роту бы наверняка добились, но помог Орлов. На уступ полетели мины одного из трофейных минометов, открыл огонь отбитый ночью станковый пулемет МГ-08. «Гадюку» повредило взрывом, немецкие пулеметчики укрылись в траншее и прекратили стрельбу.

Однако, несмотря на помощь батальона Орлова, переправа быстро уничтожалась другими огневыми точками. Затонул понтон, получив несколько гаубичных попаданий. Два оставшихся плота прошли пулеметные трассы. На одном из них уже не осталось живых бойцов. Тяжелое неуклюжее сооружение, качаясь на волнах, несло по течению.

Несколько погибших лежали на дощатом настиле рядом с деревянными, оцинкованными ящиками и минометом на тележке. Пули щелкали о доски, снова пробивали мертвые тела. Из разбитого ящика высыпалась горка золотистых винтовочных патронов. Крупнокалиберная очередь зажгла боеприпасы, патроны взрывались пачками, взлетали вверх мелкими дымными ракетами.

Еще один плот упрямо тянул к берегу. Там тоже лежали погибшие. Расчет «максима» вел огонь, а человек восемь, наваливаясь на самодельные весла, толкали плот вперед.

Молодой десантник, лежавший рядом с замполитом Майковым, застонал от бессилия: – Что же это творится, товарищ комиссар?

Мина взорвалась рядом с плотом, сбросив в воду сразу двоих бойцов. Следующая взорвалась между бревнами. Плот расползлся, затонул «максим», кто-то из расчета цеплялся за бревно.

Десантник, вскочив, грозил кулаком непонятно кому. Пулеметная очередь взбила фонтанчики песка у него под ногами. Майков повалил парня:

– Прекрати истерику!

Переправа была полностью уничтожена. В берег ткнулась единственная уцелевшая лодка с пятью-шестью бойцами. Еще двое бойцов плыли к косе. Они выбрались на отмель и без сил растянулись на мокром песке. Подбежавшие десантники помогли им подняться и дойти до песчаных окопов.

Иван Евсеевич Майков, продолжавший осматривать в бинокль водную гладь, увидел, как наискось, с севера на юг, движется множество понтонов и плотов. Их тоже нещадно обстреливали, но первый переправившийся отряд и огонь батальона Орлова в какой-то степени отвлекли внимание немцев. Они азартно вели огонь по переправе и десантникам, дав возможность другому подразделению преодолеть половину водного пространства.

Эта группа плотов, понтонов, лодок тоже несла потери, но часть ее приближалась к большому плацдарму южнее участка, который удерживал батальон майора Орлова.

– Приманка, – бормотал Иван Майков. – Дорогие у нас приманки. С полтысячи жизнью угробили... не меньше.

Замполит не имел права так говорить. Его обязанностью было поддерживать любые действия командования и поднимать боевой дух личного состава. Но капитан столько насмотрелся на войне, что его нередко прорывало.

– Днем на плотках. Да им час потребуется, чтобы реку пересечь. Живые мишени...

К замполиту подвели одного из уцелевших красноармейцев. Перед ним стоял светловолосый сержант, босой, в насквозь промокшей гимнастерке и брюках. Десантники дали ему бушлат, чтобы согреться. Поверх бушлата на плече висела винтовка. Ремня, подсумков и другой амуниции у сержанта не было. Видимо, едва выплыл, но оружие сохранил.

– Представьтесь, – хриплым простуженным голосом сказал Майков.

– Сержант Антон Пичугин, – так же хрипло ответил застывший в холодной воде светловолосый парень. – Командир отделения 618-го стрелкового полка.

Сквозь распахнутый ватник на гимнастерке виднелась ленточка за ранение и медаль «За боевые заслуги».

– Тяжко вам пришлось, – не зная, что сказать еще, проговорил Майков.

– Тяжко, – подтвердил сержант.

– Налейте ему спирту, что ли. Может, сухая одежка найдется.

– Найдем, – ответил кто-то из десантников. – Пошли, Антоха. Согреешься, перекусишь вместе с товарищем.

Он кивнул в сторону другого выплывшего красноармейца. Тот сидел на песке, накрытый шинелью, и мелко дрожал, всхлипывая от напряжения. Он, как и сержант, выжил чудом и все еще не мог поверить в свое спасение.

По откосу карабкались вверх еще пятеро красноармейцев. Им помогали десантники Орлова. В лодке находились также ящики с патронами, гранаты, мешок сухарей, консервы.

– Ну, вы молодцы! – хлопнул одного из них по плечу Костя Левчук. – И сами прорвались, и припасы доставили.

– Может, и молодцы, – угрюмо отозвался старший сержант лет сорока. – А два батальона, бронейная рота и батарея «сорокапятков» накрылись. Людей, как березовые чурки, в огонь кидают.

Обстрел наверху усилился. Чей-то командирский голос отдавал команды. А другой голос воскликнул:

– Танки... Ну вот и дождались.

– Поторапливайтесь, ребята, – сказал лейтенант Левчук вновь прибывшим. – Занимайте места в окопах.

– Ясно, что не чай пить прибыли, – отозвался старший сержант и, махнув рукой своему отделению, побежал к траншее.

Глава 3. В тылу врага

даже в полдень здесь, в глубине леса, среди высоких сосен, березняка, сплетения жестких непроходимых зарослей вяза, было сумрачно и неудобно. Бойцы без сил валялись на хвою, некоторые мгновенно засыпали. Другие, несмотря на усталость, не могли отойти от событий бесконечно долгой ночи.

Собравшись кучками, возбужденно вспоминали прыжки в пронизанную ветром и свещающимися трассами ночь. Высокий черноволосый десантник, сняв шапку, напряженно прислушивался к лесной тишине. Автомат он держал наготове, а в расширенных глазах отчетливо проглядывалась тревога, готовность немедленно стрелять, куда-то бежать.

– Ложись, отдыхай, Тельпугов, – негромко окликнул его Илья Якушев.

Боец посмотрел на младшего лейтенанта и показал рукой направление:

– Шум какой-то... Кажись, ветки трещат.

– Ветер наверху, листья падают.

– А может, фрицы? Они ведь здесь кругом.

– Посты расставлены, отдыхай.

Якушев никак не мог вспомнить имени десантника и слегка похлопал его по плечу. Тот дернулся, лицо судорожно перекопилось, палец лежал на спусковом крючке ППШ.

– Э, смотри, не стрельни. Забыл, как тебя зовут.

– Николай. Из шестой роты я... а других из нашей роты что-то не вижу.

– Спят они. Дай автомат, гляну.

Десантник послушно отдал автомат. Илья отомкнул наполовину пустой диск, осторожно вытащил патрон из казенника.

– Я тоже пойду в караул, – протянул руку за своим оружием Николай Тельпугов. – Не могу спать, вспышки перед глазами, и земля вертится.

– Утомился ты. Нервы. Ложись и автомат не вздумай заряжать. Стрельнешь ненароком, весь лагерь переполошишь.

Бойца никак не удавалось успокоить. Он торопился высказать все, что пережил ночью, говорил сумбурно, не отпуская рукав Якушева:

– Два снаряда крыло пробили. Только брызги огненные, а взрывов не слышно, моторы гудят. Я вниз шагнул, парашют раскрылся, рядом дружок летит. Гляжу, за нами вслед «Дуглас» валится. Крыло отдельно, а корпус прямо на меня. Думал, конец настал, а он штопором кувыркается и, как снаряд, вниз несется. Кто-то парашютом за киль зацепился, так его крик за полкилометра слышал. А потом пулеметы с земли огонь открыли...

Кое-как успокоив бойца, Илья Якушев вернулся на поляну. Здесь собрались командиры, обсуждавшие положение. Неподалеку саперы строили шалаши и навес для раненых.

От немцев рота оторвалась. Надолго или нет, неизвестно, но в настоящий момент раненые оставались главной проблемой. Санинструктор Воробьев в перемазанном кровью комбинезоне докладывал Морозову:

– Тяжелых одиннадцать человек. Если врача или фельдшера не найдем, помрут ребята. У кого грудь-живот прострелены, у некоторых кости перебиты. Пулеметные пули кости на осколки крошат. Ампутации требуются. А у меня бинты да йод. Врача искать надо, Федор Николаевич.

Этих «надо» накапливалось много. Искать командование, другие подразделения десантных бригад, срочно пополнить боезапас, без которого рота может погибнуть при первой же облаве.

Лейтенант Бондарь поглаживал подвешенную к груди раненую руку. Морщась от боли, сказал, что людей беспокоить пока не стал. Выборочно опросил на ходу человек двадцать.

К отечественным ППШ осталось в лучшем случае по тридцать-пятьдесят патронов. К трофейным МП-40 немного побольше, но проблему они не решат, этих автоматов немного. К карабинам, нашим и трофейным, запас у бойцов есть. Но расстреляны все ленты трофейного МГ-42, а к двум нашим «дегтяревым» осталось по неполному диску.

– Либо остаемся без пулеметного прикрытия, – рассуждал лейтенант, – либо забираем патроны у бойцов и снаряжаем пулеметы.

Морозов молча выслушал Воробьева, Бондаря, старшину, который доложил, что часть НЗ (консервы, сухари, сало) утеряна и еды хватит в лучшем случае на пару дней. Покурили, обменялись мнениями, затем отрывисто заговорил Морозов:

– Людей через час будить. Сформировать три группы и до ночи осмотреть окрестности. С местными жителями в контакт не вступать, боевых столкновений также по возможности избегать. Строить шалаши, ночи холодные, люди застудятся.

– Раненые... – снова начал было Воробьев, но лейтенант его перебил:

– Помню. Возможно, отыщем более крупные группы десанта. Там должны быть врачи. Но на «авось» надеяться не будем. На карте значится деревня километрах в десяти отсюда. Павел, глянь сюда.

Сержант Чередник посмотрел, кивнул.

– Попробуй дойти до нее. Если есть фельдшер или акушер, забирай его со всеми инструментами и веди к нам.

– Понял.

– С собой возьмешь пяток бойцов, этого хватит. Якушев, сформируй отделение, захвати ручной пулемет и пройдешь вдоль дороги. На открытые места не высываться.

Третью группу во главе с сержантом Олегом Бородиным лейтенант отправил проверить, нет ли погони, и тоже поискать другие отряды десантников. Приказал всем вернуться до темноты.

– До темноты всего часов пять осталось, – глянул на часы лейтенант Бондарь.

– Главная цель – выяснить, что и кто вокруг нас. Пяти часов хватит. А часы у тебя, Леня, крепкие. Пуля рядом ударила, а они тикают.

Командиры не слишком весело посмеялись, а Бондарь заявил, что часы Кировского завода и не такие удары выдерживали.

– И еще, – после короткого молчания добавил Морозов. – Живым, в случае чего, в плен не сдаваться. Иначе всю роту под удар подставите. Фрицы умеют развязывать языки.

– Наши ребята не такие... – начал было Бондарь, но Федор оборвал его:

– Такие – не такие, а приказ слышали. Здесь не колхозное собрание, пустой болтовни мне не надо.

Бондарь обиженно засопел, но больше в распоряжения Морозова не лез.

– Радииста хорошо бы отыскать, – заканчивая инструктаж, сказал Морозов. – Четыре радиации на батальон выдавали. Без связи нам туго придется.

– Будем искать, – коротко отозвался младший лейтенант Илья Якушев.

Назначенные разведгруппы собрались быстро, и двинулась каждая по своему маршруту. Старшина обходил десантников, вооруженных карабинами, и собирал патроны для пулеметов. Бойцам поопытнее оставлял по пять-шесть обойм. Тем, кто помоложе, по паре-тройке. Если кто начинал спорить, терпеливо объяснял:

– Без пулеметов не обойдемся. Немцы ударят, только они смогут отход обеспечить.

Санинструктор Воробьев снова подошел к Морозову:

– Федор Николаевич, двое раненых умерли. У третьего гангрена на руке. Надо резать, иначе умрет, как те двое.

– Значит, будешь резать.

– Я не хирург.

– Я тоже. Но держать человека помогу. Пошли, покажешь.

Когда шагали к временной санчасти, лейтенант увидел, как санитары роют неглубокую яму. Рядом лежали два тела, с лицами, накрытыми чистыми тряпицами. Желтые руки были сложены на груди. Морозов снял шлем, на минуту остановился.

– Мы глубоко рыть не сможем, – сказал один из санитаров. – Земля корневищами переплетена, а лопатки у нас саперные. Гнутся. Авось не обидятся ребята. А, товарищ ротный?

– Как получится, – ответил Федор. – Метр с четвертью хватит.

– Мы тоже так думаем.

Никто из них не знал, что это не последние потери, которая понесет до ночи десантная рота, сумевшая провести два ожесточенных боя и вырваться из кольца.

Группа, которую возглавлял сержант Чередник, через пару часов добралась до хутора, отмеченного на карте. Занимавшийся с детства охотой, которая в зимнее и осеннее время кормила семью, Павел хорошо ориентировался на местности. Шел осторожно впереди и сумел заметить пост на окраине хутора.

Тяжелый мотоцикл «БМВ» был замаскирован ветками, но предательски отсвечивало зеркальце на руле. Да и по другим признакам забайкалец Чередник метров за триста определил присутствие людей. Поднимался легкий дымок небольшого костра, который он сразу почувствовал, как и услышал стрекотанье сорок.

Взад-вперед медленно пролетели несколько ворон, а пара птиц терпеливо сидела на тополе в надежде, что люди рано или поздно уйдут, оставив после себя, как всегда, что-то съедобное.

Через оптический прицел Павел разглядел пост, состоявший, как и его группа, из шести человек. Двое немецких солдат и четверо полицейских. Обычно посты выставляют меньшие по количеству, а здесь, считай, целое отделение с пулеметом «максим».

Это уже не пост, а засада. Хоть и не слишком умело скрытая, но хорошо вооруженная. Насколько Чередник знал, тяжелые пулеметы имелись в полицейских участках в небольшом количестве. Немецкие коменданты повязали полицейских круговой порукой, заставляя участвовать в карательных операциях и расстрелах заложников. В то же время, не слишком доверяя своим помощникам, ограничивали количество пулеметов и боеприпасов для полиции.

Чередник отвел группу подальше, а сам в течение часа наблюдал за хутором. Стало ясно, что попасть туда не удастся. Он разглядел еще два патруля, один из них конный. На возвышенности стоял бронетранспортер с крупнокалиберным пулеметом.

– Уходим, здесь делать нечего, – сказал Павел. – Поджидают они нас.

Возвращаясь кружным путем, набрели на пасеку. Чередник вместе с одним из бойцов зашел туда и смертельно напугал деда-пасечника. Он был из тех восточных украинцев, которые хорошо говорят по-русски и к Красной Армии относятся неплохо. Но общение с ним получилось не то, которое ожидал забайкалец Зима.

– Уходите... бога ради, уходите, – твердил старик. – Немцы и полицаи ни вас, ни меня не пощадят.

– Ладно, набери нам хоть меду с ведро. Или жалко?

– Да мне и бидона не жаль. Но обнаружат у вас мед, сразу догадаются, где его взяли. И мне, и бабке конец. Семью в хуторе тоже не пощадят, а у меня одних внуков четверо. Уходите! Я ведь обязан немедленно о вашем приходе полицию известить.

Павел Чередник, потерявший за годы войны брата, несколько родственников и почти всех друзей, встряхнул деда за шиворот, с трудом удержавшись, чтобы не ударить. Крепкий был старик, хоть и прикрывался спутанной полуседой бородой, линялой рубахой и ветхим пиджаком.

– Тебе сколько годков?

– Шестьдесят один...

– Силенка есть, и прожить лет до девяноста настроился. Войну в тихом месте пережду, пусть другие воюют и подышают. Что, думаешь, ждать буду, пока ты нас закладывать побежишь? Прибьем, как паршивую овцу, и дом твой спалим. Мед фашисты да полицаи жрут небось.

– Заставляют сдавать, – выдавил дед, моргая и отводя взгляд в сторону.

– На меня смотри! – прикрикнул Павел.

В глазах деда плескался не только страх, но и скрытая злость. Пришли чужаки, грозят, харчи требуют, а ему расхлебывать. Все равно ведь докладывать придется. Обнаружат следы, повесят на воротах. Специально насчет парашютистов предупреждали, чтобы сообщали немедленно.

– Перекусите здесь, а с собой не берите. Старуха скоро вернется, разболтает языком. Медовухи нацезу, хлеб хороший есть.

С год назад Чередник, тогда еще новичок, попал в такую же ситуацию. Зашли к леснику, попросили поесть. Тот их хорошо угостил, налил выпить, рассказал про обстановку в округе. И командир их, лейтенант из молодых, кивал, сочувствуя леснику, страдающему под фашистом.

– Ничего, потерпите, – говорил подвыпивший лейтенант. – Скоро ударим как следует, побежит немец без оглядки.

– Дай-то бог, – вздыхал лесник.

А чем хвалиться было в октябре сорок второго? Сплошные неудачи и «котлы». Полстраны под немцем, в Сталинграде бои на кромке берега шли, вот-вот возьмут город. Многие ждали, что до зимы развалится Красная Армия и добьются немцы победы. Видимо, в этом был уверен и тот лесник.

Уходили от него выпившие, веселые, с харчами в запас. А через час догнали их полицаи на лошадях. Быстро и четко действовали. Это на плакатах полицаев в роли пьяных свиней изображали. Выглядывают из подворотни, морды небритые, трусливые, а винтовки в грязи валяются. На самом деле многие не за страх против своих воевали. И умели делать это неплохо.

В группе тогда пятеро десантников было. Смелые, отчаянные ребята, ничего не боялись. Подумаешь, десяток полицаев! А у нас автоматы и пуд презрения к предателям. Рассчитывали лихостью и бесстрашием «бобиков» припугнуть, пострелять всех и к своим прорваться.

Однако получилось по-другому. Десять или одиннадцать полицаев под командой опытного дядьки, хорошо повоевавшего в Гражданскую, взяли пятерых десантников в клещи. Прижали к земле огнем из «дегтярева», а сам дядька, рослый, быстрый, с седыми усами, стрелял из «трехлинейки», попадая точно в цель.

Наповал срезал дружка Паши Чередника, тяжело ранил лейтенанта. Ворочаясь, с перебитой ключицей, лейтенант клял себя за доверчивость и шептал троим парням:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.